МАЖИТ ГАФУРИ

ИЗ ПРОШЛОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Марине
в день 13-летия [redacted]
от Л[redacted]

МАЖИТ ГАФУРИ

ИЗ ПРОШЛОГО

РАССКАЗЫ

ПЕРЕВОД С БАШКИРСКОГО

Москва „Детская литература" 1980

Рисунки Т. Горб

Мажит Гафури

Г24 Из прошлого: Рассказы/Пер. с башкирского. Рис. Т. Горб. — М.: Дет. лит., 1980. — 60 с., ил.

В пер.: 60 к.

Сборник рассказов основоположника башкирской советской литературы М. Гафури (1880—1934) издается к 100-летию со дня рождения писателя. Предисловие доктора филологических наук Г. Рамазанова.

Г $\frac{70802-441}{М101(03)80}$ 305—80 **С(Башк)2**

НАРОДНЫЙ ПОЭТ МАЖИТ ГАФУРИ

(1880—1934)

У синих отрогов Урала, в объятиях двух песенных рек — Агиде́ли и Зили́ма, посреди живописных лугов, раскинулось село Зилим-Караново — родина народного поэта Башкирии Мажита Гафури, основоположника башкирской советской литературы. Здесь величественная Агидель — так башкиры называют реку Белую — меняет своё течение, сворачивает немного к западу. Места эти славятся как самые соловьиные...

В этом прекрасном уголке — чудесной колыбели детства — начался жизненный путь поэта. Отец его, сельский учитель Нургани, не чурался крестьянского труда, увлекался пчеловодством. По воспоминаниям Гафури, отец был хорошим рассказчиком, вечерами любил читать вслух собравшимся в доме односельчанам книги, вёл увлекательные беседы. О своей матери Мажит писал: «...Видать, она была натурой очень чувствительной... Услышав о каком-нибудь трагическом случае или когда отец вслух читал книгу, она не могла остаться равнодушной, слёзы на глаза навёртывались помимо её воли».

Впечатлительный и мечтательный Мажит с детства тянется к знаниям, с малых лет учится читать и писать, а затем поступает в сельскую школу — медресе. Любовь к книгам в семье, своеобразные домашние литературные вечера пробудили в душе будущего поэта чувство прекрасного.

Среди сверстников юный Мажит отличался умом и справедливостью. Рос он живым, подвижным, любил загадывать загадки и рассказывать сказки, затевал весёлые игры в догонялки, «кто выше прыгнет», «мяч в ямке». Если во время игры возникали споры, их разрешал Мажит. С его решением соглашались все ребята. А ещё Мажит любил рыбалку, лес, нравилось ему слушать пение птиц.

После школы в родном ауле Гафури учился в медресе в соседнем селе Большое Утяшево.

Ему было одиннадцать лет, когда его постигло большое горе: внезапно умирают его отец и мать. Осиротевшему Мажиту стало трудно учиться в медресе. Для того чтобы прокормиться, он вынужден был переписывать для сынков богачей книги, готовить им обед и кипятить самовар. А летом с маленьким братишкой Мажит ходил за плугом, помогал взрослым на сенокосе, обдирал с ивняка кору и продавал её, чтобы накопить хоть немного денег для учёбы.

Между тем Мажит становится лучшим учеником Утяшевского медресе: он свободно читает и переводит с арабского и фарси. Учитель Хатип показывает его гостям, которые восхищаются его знаниями. По совету своего учителя Гафури отправляется учиться в город Троицк.

То на попутных подводах, то пешком одолевает юный Мажит четыреста с лишним вёрст до Троицка. Добравшись туда, он обнаруживает, что позабыл в деревне свои документы, а без них на учёбу не принимают... Проделав мучительный обратный путь в Залим-Караново, настойчивый юноша возвращается в Троицк и поступает в медресе, становится шакирдом — учеником ишана Зайнуллы. Новый, двадцатый век будущий поэт встречает в этом религиозном училище.

В Троицке Гафури увлекается литературой. Летом он вместе с товарищами едет в казахские степи обучать детей казахов грамоте. Здесь он слушает песни казахских акынов — народных поэтов. Письменная литература и устное народное творчество башкир, татар и казахов дали толчок первым творческим шагам поэта.

Первое стихотворение Гафури написал весной 1902 года. Оно называлось «Шакирдам ишана» и содержало острую критику порядков в медресе. Многие шакирды стихотворение одобрили, а старшекурсники, бородатые шакирды-фанатики, поколотили богохульного стихотворца. Так началось творчество поэта, такова была первая реакция читателей.

Первая книга стихов поэта «Сибирская железная дорога» вышла в 1904 году в Оренбурге. В ней Гафури воспел новый век — век прогресса и техники, созидательную силу великой России.

Честь и слава России — могучей стране,
Чьё дыханье я слышу в ночной тишине.
Где слова разыскать, чтоб о ней рассказать,
Чтоб достойною песней воспеть её мне!

В том же 1904 году в Казани был издан первый рассказ Гафури «Жизнь, прошедшая в нищете» о тяжкой доле деревенской бедноты. Так в канун революции 1905—1907 гг. в башкирской и татарской литературе появился новый писатель, певец простых тружеников, поэт и прозаик, Мажит Гафури.

Как подлинно народный поэт Гафури сложился и стал известен в грозные годы первой русской революции. Встретив 1905 год в Казани,

он активно выступает в печати со стихами, посвящёнными революции, призывая народ к объединению. «Капля за каплей — большой переполнен сосуд, время настало — должен пролиться он»,— писал поэт.

В известных стихах «Завещание 1906 года 1907 году» и «Ответ седьмого года» поэт призывает народ «свалить большое дерево» и «одеть землю в другой наряд». Читателям был понятен образ: «большое дерево» — самодержавие. Недаром за «преступные мысли», выраженные в этих стихах, царские жандармы в 1911 году пытались привлечь поэта к ответственности. М. Гафури попал под надзор полиции.

В период революционного подъёма Гафури написал повесть «Бедняки» и рассказы, обличающие социальное неравенство и несправедливость. Вместе с тем в этих произведениях писатель воспевал чистоту души простого труженика, его истинную человечность.

С каждым годом творчество Гафури становится ближе к народу. На его поэзию немалое влияние оказывали его современники — крупнейшие татарские поэты Г. Тукай, С. Рамиев, Дардманд.

Знакомится Гафури и с поэзией Пушкина, Лермонтова, Некрасова и Крылова.

Гафури становится признанным мастером лирики. Немало проникновенных стихов он посвящает родной природе, детям и юношеству.

Тесную связь своей жизни, своего творчества с жизнью народа поэт подчёркивал во многих своих произведениях. В стихотворении «Я и мой народ» он писал:

Лишь сделаю я шаг вперёд —
Как тотчас оглянусь назад:
Желая знать, куда шагнул,
К народу обращаю взгляд.

Вместе с народом делил Гафури невзгоды и тяготы жизни. В годы первой мировой войны он написал смелое, обличительное стихотворение «Видно, нет тебя, аллах...». Здесь он поднимает голос протеста против братоубийственной войны.

Гафури стал не только счастливым свидетелем, но и пламенным певцом Великой Октябрьской революции. Он принял революцию и отдал все свои силы созданию новой советской культуры, стал основоположником башкирской советской литературы. Поэт воспел героев нового времени, грудью поднявшихся на защиту завоеваний Октября.

От имени красного воина — одного из борцов за Советскую власть поэт давал клятву:

Пока враги родной страны
в крови не лягут, присмирев,
Я не вложу меча в ножны,
не усыплю свой правый гнев.

После Октября начался новый период творчества Гафури. С ещё большей энергией работает поэт в различных жанрах литературы. В своих стихах он стремился выразить всю полноту чувств свободного человека, ставшего хозяином своей судьбы.

В поэме «Труженик» поэт создал образ человека труда, не нашедшего себе счастья в условиях старого мира. (Позже по мотивам этой поэмы М. Гафури написал либретто для оперы.) В пьесе «Красная звезда» писатель изобразил героев гражданской войны и борцов за социалистическое преобразование деревни.

В конце двадцатых — начале тридцатых годов Мажит Гафури написал повести о тяжёлом прошлом народа и его пути к новой, свободной жизни («Чёрноликие», «Ступени жизни»).

Подобно великому Горькому, Гафури прошёл суровые «университеты» жизни, работал у богачей. Автобиографическими воспоминаниями навеяна его повесть «На золотых приисках поэта». В ней Гафури рисует жизнь рабочих на золотых приисках крупнейших татарских золотопромышленников братьев Рамиевых. Проникнутую тонким лиризмом, окрашенную романтикой юности, эту повесть можно назвать песней о людях труда. Душевная красота человека-труженика в повести воплощена в образах старых горняков Салима, Сибгата, юной Хадичэ.

Мажит Гафури поработал в литературе немногим более трёх десятилетий. Но он оставил заметный след в башкирской и татарской литературах, оказал влияние на развитие всей многонациональной советской литературы. В литературном наследии Гафури имеются и произведения, посвящённые детям. Некоторые из рассказов писателя предлагаются читателям этой книги.

В рассказах, обращённых к юному поколению, Гафури воссоздал живые, запоминающиеся картины дореволюционной народной жизни, полной лишений и страданий. Тем самым писатель как бы выполнял завет Горького, желавшего, чтобы книги рассказали детям о безвозвратном прошлом лучше и умнее, чем расскажут их отцы и матери.

В рассказах Гафури для детей повествование ведётся обычно от первого лица. Манере писателя свойственна детская непосредственность, некоторая наивность, автор как бы смотрит на мир глазами ребёнка.

Тонко и умело передаёт писатель переживания подростка в рассказе «В пору моего детства». Читатель видит тяжёлую картину, как за недоимки у бедняков забирают последние вещи: старенькую перину, латаные-перелатаные одеяла, две тощие подушки, ветхий коврик, сундук и самовар. Сами по себе они ломаного гроша не стоят, но с ними кровно связан весь быт бедняка.

Оставляет сильное впечатление сцена, где солдат Хабир выступает против этого грабежа и его арестовывают «люди с саблями». Очень жаль старуху Сарби, которая умоляет старосту оставить ей кошму. Безутешному горю бедняков в рассказе противостоит безжалостность и жадность богача Мурата.

Рассказ «Прежде было трудно...» ведётся от лица человека старшего поколения, ровесника автора. Грустно и обстоятельно рассказывает он о том, как жилось детям прежде.

Все мы, особенно дети, любим читать о животных. И Гафури делает их героями своих рассказов.

Вот рассказ «Актырнак» (в этой книжке рассказ напечатан с некоторыми сокращениями) — окрашенное лёгкой печалью повествование о потерявшейся в городе собаке.

С интересом следит читатель, как увязывается Актырнак за хозяевами в город, где она, так же как и её маленький хозяин Ахмет, ещё ни разу не была. А потом вместе с Ахметом мы тревожимся, жалеем несчастную Актырнак и её осиротевших малышей-щенят.

Интересен второй план рассказа: что видит, что поражает деревенского мальчика, впервые уехавшего далеко от родного дома? Всё то, что для нас привычно, каждодневно, для Ахмета — диковинка, радость, чудо. Он счастлив, сжимая в руках цветной карандаш — «самый лучший!» — и книжку. Он не сразу узнаёт паровоз и пароход, о которых слышал в школе. Его поражает «говорящая тарелка» — радио и мощная «самоходная арба» — трактор и автомобиль.

Ничто не проходит мимо внимания пытливого мальчика, и вместе с ним мы узнаём, что уже создаются первые колхозы. И охотно верим: вырастет Ахмет и станет трактористом-колхозником.

История о потерявшейся собаке оказывается шире, значительнее, потому что рассказывает о большем — о том, как меняется жизнь людей.

Воспитанию в человеке бережного отношения ко всему живому, к родной природе посвящены рассказы «Дикий гусь», «Новый серп» и другие. Запоминается герой рассказа «Старый охотник» Биккужа, который по просьбе маленького внука идёт в лес, чтобы поймать и принести ему оленёнка. В поисках проходит три дня, и когда оленёнок попадает в руки охотника, Биккужа отпускает его, испытывая жалость и нежность к беспомощному существу.

Итак, юный читатель, перед тобой книга рассказов Мажита Гафури — народного поэта, писателя-гуманиста. Она издаётся к столетию со дня рождения писателя. Это небольшое вступление к книге хочу закончить словами выдающегося украинского поэта и учёного Павло Тычины, посвященными Мажиту Гафури:

«Нежный и мужественный сын своей отчизны, батыр, воплотивший духовную самобытность башкирского народа, словно гигант, широко шагает через пространство и время, неся людям неисчерпаемую песню свою, песню жизни и борьбы, светлой победы над мраком, песню счастья».

Доктор филологических наук
Гилемдар Рамазанов

ДИКИЙ ГУСЬ

I

В народе его называли Аккуль — Белое озеро. Оно было такое большое, такое широкое, что глаза едва могли различить постройки на противоположном берегу.

Аккуль блестело словно огромная серебряная монета. Круглое, оно было похоже на упавшую с неба полную луну.

Весной его берега зарастали травою, покрывались зеленью и окрестные поля. Если взглянуть на озеро с вершины соседней горы, казалось, что на зелёный плюшевый ковёр-палас брошено зеркало и смотрятся в него плывущие по небу облака.

И весной и летом Аккуль принимало гостей. Сюда съезжались люди со всей окрестности: кто порыбачить, кто просто полюбоваться на красоту озера, отдохнуть.

На утренней заре рябила вода от весёлой рыбьей игры. Столько птиц находило себе приют в камышах, что казалось — крякают, поют, щебечут, посвистывают сами камыши.

Но осенью, когда с севера начинали дуть холодные ветры, человеческие голоса на берегу затихали, замолкали и поющие камыши. Птицы улетали на юг, рыбы уходили вглубь, опускались на дно, прятались под коряги.

Аккуль уже не сверкало, а тускло блестело. Серое скучного цвета озеро словно грустило, что кончилась пора песен и встреч, пришло время проводов.

В эту хмурую пору Аккуль навещали только стаи диких пролётных гусей. Здесь они плавали, кормились, отдыхали, чтобы перед дальней дорогой набраться сил.

Их громкое гоготание и шум сильных крыльев — единственное, что оживляло в осенние дни притихшее озеро Аккуль.

II

Кому поручит отец привести домой коня? Конечно, сыну, мальчишке!

От Аккуль до нашей деревни было всего две версты, и я бывал на озере каждый день. Здесь чаще всего можно было найти наших лошадей, которых, стреножив, мы выпускали пастись на ночь.

Но, если бы даже меня не посылали за лошадьми, я всё равно бы пришёл на озеро. Ради них, ради диких гусей.

Сперва я слышал голоса ещё невидимой стаи. С высоты доносились звуки, будто кто-то ударял серебряной ложкой по медному тазику.

Голоса всё ближе и громче.

Приложив ладонь козырьком к бровям, я всматривался в звучащую даль. Сперва неясно, потом всё отчётливей в небе вырисовывался как бы наконечник летящей стрелы

с неодинаковыми концами — один немного длинней. Это летели дикие гуси с одного конца мира на другой.

На самом острие стрелы вожак. Он первым рассекает грудью воздух, чтоб товарищам, которые следуют за ним, легче было лететь.

«Подлетаем к озеру! Подлетаем к озеру! Приготовиться к спуску!» — так я себе объясняю крик вожака.

И стая начинает снижаться. В птичьих криках мне слышится радость. Гуси увидели воду — родную стихию, они приветствуют озеро, здороваются с ним.

Стая промчалась так быстро, что мне показалось, она миновала озеро. Но, описав круг, гуси один за другим плавно опускаются на воду.

Я смотрел, как они расправляли уставшие крылья, как ловко перебирали клювами перья, как, изогнув длинные шеи, жадно пили чистую воду... Я смотрел долго-долго, пока по-вечернему потемневшие камыши не напоминали мне, что дома меня ждут.

Стая оставалась ночевать на озере. Но напрасно я надеялся, что рано утром застану на том же месте диких гусей. Их уже след простыл. Они ничего не оставили мне на память — ни одного пёрышка, только следы лап у самой кромки воды.

Мне становилось грустно, что гуси улетели, а я остался.

Эх, если бы у меня были крылья, и я бы поднялся в небо и полетел бы вместе с вольными птицами над степями, горами, городами, чтоб увидеть далёкие края, где всегда лето.

Я понимал, что стая, которую я видел вчера, уже не вернётся. Но утешал себя мыслью, что пролёт не кончился, что встречи с новыми стаями ещё впереди.

III

Как все в нашей семье, я привык вставать с первыми лучами солнца. Никогда так легко не дышится, как в эти часы утренней росы.

Но в то ясное утро роса на траве и стерне была уже по-осеннему холодна.

На деревенской улице я повстречал сына Гарифа-аги, который сказал мне:

— Ты найдёшь своих лошадей возле озера.

Он не ошибся. Лошади паслись на берегу, неторопливо щипали отросшую после покоса отаву. На меня они не обратили внимания. Я понимал, что им не так уж хочется, чтобы на них надели хомуты и погнали работать в поле.

Ну что ж! Можно было подождать!

И я залюбовался на восход солнца. Оно перебросило через озеро плавучий сверкающий мост, огненную дорожку из золотых искр.

У берега, шлёпая по воде намокшими вёслами, плавали на своих лодках рыбаки — проверяли поставленные на ночь перемёты.

И вдруг я услышал одинокий приглушённый гогот.

Я прислушался. Гогот раздавался совсем близко, из-за наваленной неподалёку от берега кучи камыша.

Странно! Вчерашняя стая улетела, а осенью перелётные гуси не отбиваются от стаи, не остаются на чужбине. Значит, что-то случилось!

Ни на воде, ни в небе не было видно ни одной большой серой птицы. Где же мог спрятаться этот одинокий гусь?

Я закатал штаны и полез в студёную воду.

И что же я увидел? В камышах запутался раненый гусь.

Размахивая одним крылом, другое бессильно повисло, он хотел взлететь, но не мог. Пытался выбраться из камышей и спотыкался, застревал в чаще стеблей.

Увидев меня, калека встрепенулся, отчаянно замахал здоровым крылом. Куда там! На одном крыле не взлетишь.

Я без труда поймал покалеченную птицу.

Гусь пытался вырваться, шипел, дёргал лапами. Он боялся человека, считал меня своим врагом. Я слышал, как под перьями часто-часто стучало его дикое птичье сердце.

Бедняга! Должно быть, пуля охотника настигла его тогда, когда он вместе со стаей опускался на воду. Но стрелку не досталась добыча. Подранок укрылся в камышах.

Из своей камышовой засады он видел отлёт стаи. Как он рвался к небу, к солнцу, к товарищам, звал их, но они ничем не могли ему помочь.

Сейчас они далеко-далеко. В небе, широком и прекрасном, как море, вольная стая мчится в тёплые страны, где реки не замерзают, где никогда не падает снег. А он, отстав от своих, остался здесь в камышах, один, раненый, беспомощный. Что с ним будет зимою?

Пожалев искалеченную птицу, я решил отнести её домой.

Я взял своего найдёныша на руки и держал его крепко, но бережно, чтобы не сделать больно повреждённому крылу. Он смирился, притих, понял, что от меня не вырвешься.

Но когда мне захотелось приласкать его, осторожно по-

гладить по голове, он вздрогнул и начал торопливо тыкаться клювом в перья, чтобы спрятать от меня свою голову.

Он не верил, что может быть доброй человеческая рука.

Не так-то просто нести на руках дикого гуся и вести за поводья двух лошадей. Только к обеду я вернулся домой.

Дома были недовольны моей долгой отлучкой, но оправданием мне служила дикая птица, которую я прижимал к груди.

Отец мельком взглянул на гусиное повисшее крыло и сказал:

— Эта птица больше не полетит. Надо скорей её зарезать, чтоб не мучилась зря.

Сердце моё ёкнуло от суровости отцовского приговора. Я стал с жаром отстаивать жизнь несчастного гуся. Разве отец сам не учил меня, что надо уважать гостя? А эта птица тоже наш гость. Она прибыла к нам с далёкого севера и затерялась на чужбине не по своей воле, с ней по дороге случилась беда. Разве можно поднять на гостя руку? Дикий гусь поправится.

— Я буду ухаживать за ним!

И отец согласился:

— Ну что ж! Попробуй его выходить!

Я чуть было не заплясал от радости. Дикого гуся не зарежут, наш крылатый гость будет жить!

Куда же мне пристроить моего найдёныша? Я отнёс гуся в сарай, где жили наши куры. Чтоб ему было удобней пить, налил воду в самую большую сковородку, которая только нашлась в доме, накрошил хлеба. Но дикий гусь забился в тёмный угол и не притронулся ни к еде, ни к воде.

Несколько раз я заглядывал в сарай. Как чувствует себя крылатый гость на новоселье? Я раздобыл ему ещё и овса и проса. Но он не склевал ни одного зёрнышка. Понурив голову, он печально стоял в углу.

Перед заходом солнца вернулись домой наши домашние гуси и подняли страшный шум. Весь день они провели на озере и всё им, прожорам, мало, они и дома требуют корма!

Должно быть, запертому в сарае дикому гусю в их криках послышалось что-то родное, потому что и он несмело загоготал.

И что тут началось!

Нашим домашним стадом командовал красноглазый, очень злой гусак. Величавый, самодовольный, он вёл себя на дворе как хозяин, гусыни беспрекословно подчинялись ему.

Услышав в своих владениях чужой голос, красноглазый пришёл в ярость. Он кинулся к сараю, размахивая могучими крыльями, угрожал невидимому незнакомцу и вызывающе гоготал.

Ему дружно вторили послушные гусыни.

Хорошо, что дверь сарая была заперта. Иначе предводитель гусиного стада насмерть заклевал бы чужака.

Дикий гусь оробел и больше не подавал голоса.

Меня поразила злобность красноглазого. Ведь домашние и дикие гуси из одной семьи. Разве можно так неприязненно встречать родственника? А если бы красноглазый сам попал в беду?

И всё же я надеялся, что со временем они подружатся.

А пока что, чтобы наши домашние гуси не беспокоили и не оскорбляли гостя своими недостойными злобными выкриками, я отогнал их в дальний угол двора.

Но и там красноглазый долго не мог успокоиться. Всё хотел доказать гусыням, что он тут главный, он хозяин двора и своего места никому не уступит.

Наконец красноглазый выговорился. Важно, словно хвастаясь своей мощью, вытянул длинную шею и в последний раз гоготнул и помахал крыльями.

Гусыни пригнулись, будто преклоняясь перед его силой и мужеством и, повернув к нему головы, ответили согласным гоготом.

Но я про себя твёрдо решил: гогочите сколько хотите, а слабого я в обиду не дам!

IV

Ночью я плохо спал. Всё думал о раненой птице, отставшей от своих, и жалел её.

Сейчас стая отдыхает где-нибудь на озере под звёздным

небом, а мой бедный гусь, привыкший к простору, сидит в сарае взаперти. Один-одинёшенек. Здесь, на чужбине, каждый может его обидеть. И я отвечаю за его судьбу.

Я встал раньше обычного и вышел во двор.

Меня сразу же окружили домашние гуси. Подошёл и красноглазый, важный и гордый, как всегда. Гогоча, они требовали корма. Но я даже не взглянул на них и поспешил к тому, кого никто не накормит, кроме меня.

Когда я открыл дверь, дикий гусь, волоча крыло, торопливо заковылял в угол. Но я заметил, что и вода в сковородке, и корм, рассыпанный по земле, убавились, и очень обрадовался. Если мой крылатый гость будет есть и пить, он должен поправиться.

Я тут же сменил воду и подсыпал проса и овса.

Постепенно дикий гусь стал привыкать, обживаться в сарае. Он уже не стеснялся, как раньше, клевать при мне, не прятался, когда я входил в сарай. Я был рад, что он стал доверять мне как другу. И правда: жив он, здоров ли, накормлен ли? — кому до этого было дело, кроме меня! Только я разделял его одиночество, понимал его тоску по небу.

О чём было ему разговаривать с курами?

А ближайшие родственники — домашние гуси его не признавали. И в этом был виноват красноглазый гусак.

Однажды, возвращаясь из школы, я услышал у нас на дворе оглушительный гусиный гогот. Кто-то из домашних позабыл запереть дверь сарая, и затворника-гуся потянуло из его полутёмного убежища на солнечный свет.

Но как только он очутился за порогом, на него налетел красноглазый и начал гонять. Видимо, он считал дикого гуся своим соперником и решил во что бы то ни стало выжить его со двора.

Гусыни в этой расправе не участвовали, но они усердно гоготали, поддакивая своему вожаку.

Калеке трудно было увернуться. А красноглазый всё налетал и налетал, стараясь долбануть в голову, клюнуть в глаз, ущипнуть больней.

Мне было обидно, словно меня самого клевали, и жалко моего крылатого гостя до слёз.

Я бросил на землю учебники, схватил хворостину и еле-еле отбил моего бедного дикого гуся от неугомонного врага.

То ли от боли, то ли от обиды дикий гусь загрустил. Снова почувствовал себя чужаком, одиночкой. Лишь через некоторое время приободрился, немного повеселел.

Раненое крыло его заметно заживало и крепло. Я радовался, глядя, как птица пробует двигать раненым крылом, укладывать его на спину. Видимо, перелома не было, пуля не раздробила кость. Я всё больше надеялся, что мой дикий гусь снова сможет летать.

Дикой птице, привыкшей к свободному полёту, тяжко жить в тесном курятнике под замком. Я стал выводить моего приёмыша на огороженный участок. Здесь под моей охраной он мог прогуливаться без страха: случись что-нибудь, я за него заступлюсь.

Под открытым небом ему дышалось по-другому. Свежий ветер обдувал его выпуклую грудь.

Степенно, важно он прогуливался между деревьями. Порой останавливался и, склонив набок свою красивую голову, зорко вглядывался в голубой простор неба.

Что он там высматривал? Может, искал глазами невидимую воздушную дорогу, по которой летели дикие гуси? Он отстал от стаи, но он помнил о ней.

Наши прогулки продолжались до тех пор, пока на землю не стали падать первые снежинки.

На зиму я устроил в сарае гнездо для дикого гуся, чтобы ему было удобно и тепло.

Каждый день утром до школы и днём после уроков я наведывался в сарай к крылатому гостю, угощал его, чем мог.

Так я ухаживал за ним всю зиму.

Он ещё больше окреп, мог свободно размахивать своими серыми с белым узором крыльями. Оба крыла были теперь могучие, сильные, покалеченное от здорового не отличишь.

Иногда, услышав на дворе гогот наших гусей, он вскидывал голову и тоже начинал гоготать громко, призывно. По-моему, он разговаривал не с нашими гусынями, а с теми далёкими, по ком тосковал, которые не могли его услышать.

Но я верил, придёт время и они услышат его.

V

Кончилась долгая и скучная зима. Подточенные весёлыми ручейками, таяли, оседали снега. Под лучами весеннего солнца отогревалась скованная морозом земля.

Зимовавшие в тёплых странах птицы стали возвращаться в родные края.

Как-то утром меня разбудили крики ребят:

— Скворцы прилетели!

Я соскочил с постели и бросился к окну.

На прутике возле скворечни сидел скворец. Растопырив крылья, он пел, широко раскрывая клюв.

Не только люди радовались этой весенней встрече, радость была и в весёлой птичьей песне. Видно, певец очень соскучился по нас, по своей родной старой скворечне.

С каждым днём всё теплело. На полях уже не было снега: где темнел чернозём, где зеленели всходы.

Весна поломала лёд на реках и озёрах. Аккуль снова стало зеркалом, в которое смотрятся облака. Глядя на Аккуль, я всё чаще и чаще думал о судьбе своего дикого гуся. Когда вскрываются озёра и реки, начинается пролёт птиц, которые кормятся на воде.

Из садика, где мы прогуливались, мой гусь не мог видеть разлившейся реки. Но в его азартном гоготе чувствовалась весенняя тревога. Он чего-то ждал.

И вот однажды солнечным утром снова зазвучала в вышине птичья перекличка. И снова я запрокинул голову и, приложив ладонь козырьком к бровям, стал всматриваться в голубую даль.

Снова синеву неба рассекал наконечник летящей стрелы с неодинаковыми концами. Только теперь остриё стрелы было направлено не на юг, а на север. Дикие гуси возвращались на родину, они летели домой.

Голоса в небе услышал и мой дикий гусь. Он поднял голову и загоготал. Будто жаловался, что здесь он один, всем чужой, будто спрашивал: слышит ли его стая.

И с неба ему донёсся ответ.

Этот разговор земли с небом ещё сильней взволновал

моего дикого гуся. Никогда я ещё не видел его таким возбуждённым. Он быстро прохаживался из стороны в сторону, то широко распахивал, то снова складывал крылья. И всё гоготал, гоготал...

Когда стая приблизилась, он всем телом подался ей навстречу. Разбежался, резко взмахнул крыльями, и его лапы отделились от земли.

Взмыв в воздух, он крикнул. Я понял: расставаясь со мной, он прощался, меня благодарил.

У меня перехватило дыхание. Птица с искалеченным крылом всё же решила вернуться в стаю. Мой гусь летит!

Я был поражён. Ведь у меня дикий гусь жил на всём готовом, в тепле, не зная забот. Но он не захотел остаться в курятнике, ему нужен был простор неба. Он предпочёл волю, как бы ни был труден и опасен путь.

С замиранием сердца я следил за его полётом. Догонит он стаю или не догонит?

Догнал! И занял место в строю.

Каждую осень и весну, когда над нашей деревней тянут пролётные стаи, я вспоминаю своего крылатого гостя. Может, это он кричит, узнав знакомые места?

Хоть он и навечно меня покинул, но я не могу его забыть. Скучаю по нём.

Может, и он не забыл меня.

1920 г.

НОВЫЙ СЕРП

I

В крестьянской семье к труду приучают рано. Я, мальчишка, полол просо, помогал убирать сено, случалось, захватывал такую большую охапку, что не мог донести её до места. Меня выручали старший брат и мать.

На жатву мы выезжали в поле всей семьёй, и опять не сидел без дела: нянчил маленькую сестрёнку, готовил чай.

Но мне этого было мало. Я хотел жать сам. Вот настоящая мужская работа! Меня с малолетства приучили уважать хлеб — самое в крестьянской жизни главное, дорожить каждой крошкой.

Как только у меня выпадала свободная минута, я выпрашивал у матери запасной серп и принимался жать. Сноровки у меня ещё не было, и захваты получались неровные: когда правая рука захватывает серпом стебли, их сверху поддерживает и пригибает левая рука. Стебли путались, снопы были и неаккуратные и некрупные.

Но отец и мать ласково меня подбодрили:

— Смотрите-ка! Вали привыкает. На будущее лето купим ему новый серп, и у нас прибавится ещё пара рабочих рук.

Меня точно подхлестнула эта похвала. Я хотел доказать, что могу жать ещё чище, не оставлю после себя ни одного колоска, и ещё быстрей.

— Будь осторожен, сынок! — забеспокоилась мать.— Серп острый, можно порезаться...

Но я не думал о том, что остриё серпа, который срезает соломины, проходит близко-близко от мизинца левой руки.

Я старался жать как можно скорей.

Вдруг резкая боль обожгла мою левую руку. Я выронил пучок колосьев, который держал. На соломинах была кровь. Я порезал серпом мизинец левой руки.

— Сынок, я тебя предупреждала,— вздохнула мать.

Она нагнулась, набрала горсть чернозёма и присыпала ранку землёй. Потом оторвала полоску от своей косынки и перевязала мой раненый палец.

— Не ты один порезался. Пока учишься, с кем это не бывает! — спокойно заметил отец.

И у меня отлегло от сердца. Пусть у меня на пальце на всю жизнь останется маленький белый шрам. Этой метки не стыдятся, ею гордятся. У бездельников её не бывает. Это метка того, кто учится жать.

Я выучусь и на следующее лето получу свой серп.

II

Новое лето обещало быть урожайным. Налились соком широкие тёмно-зелёные листья проса. По пояс человеку вымахали только что выколосившиеся пшеницы, ячмень и овёс.

Особенно радовала рожь. Она поднялась по обе стороны дороги так высоко, что, когда крестьянин ехал в поле, не было видно ни человека, ни лошади, ни телеги — один только колокольчик под дугой.

Жатва ещё не началась. Мы убирали сено. Я старался не отставать от взрослых. Бывало, здорово уставал, но не подавал виду, не жаловался.

Да и кому пожалуешься, если от старших слышишь:

— Это у нас болит поясница, у молодых не болит. Разве молодые устают?

Эти добродушные подшучивания меня не обижали, а наоборот, прибавляли сил.

Наша рожь была по соседству с лугом, где мы метали стога. И, любуясь на неё, отец говорил:

— Редко бывает, чтоб так богато уродились хлеба! Помнится, хороший урожай был после голодного года, когда родился Вали. Но нынешний, пожалуй, ещё лучше. Если не побьёт градом, будут у нас полные закрома. Уберём свой хлеб и, пока не поспело просо, наймёмся жать рожь баю[1]. Заработаем, можно будет и одёжку обновить, и купить самовар...

И мать начинала мечтать вслух:

— Обновки — это ещё куда ни шло, а вот купить бы коровёнку. Хоть неказистую. Попили бы дети молока...

Я был не прочь вволю попить молока, но у меня и у сестры Салимэ были свои заветные мечты: сестра хотела шаль, а я новый бешмет[2], мой старый совсем износился.

Я не посмел сказать про бешмет, но отец угадал мои мысли:

— В это лето у нас прибавится новый работник, Вали начнёт жать. Справим ему новый бешмет, если, конечно, рожь не побьёт градом...

С тех пор, чтобы я ни делал: сгребал ли сено, распрягал ли лошадь, отводил ли коня пастись на луг, — я думал о золотистом поле поспевающей ржи. Оно сулило нам сча-

---

[1] Бай — богач.

[2] Бешмéт — верхняя одежда.

стье. После жатвы у нас будут своя молочная корова, свой новый самовар, у сестры шаль, у меня бешмет.

Но над полем высилось небо. Оно могло быть и голубым, и чёрным в грозу, и добрым и злым. Небо посылало на землю и солнечные лучи, и дождь, и град.

А какую беду несёт крестьянину летняя гроза с градом, я хорошо знал. Два года назад всю нашу рожь побило градом. Золотое поле превратилось в чёрное месиво. Мы остались без хлеба.

Летние грозы с градом чаще всего бывают в жаркий полдень. С тех пор отец стал бояться полуденной грозы.

Вот и сегодня в полдень по небу поплыли чёрные тучи. Слившись в одну, они заслонили солнце. Стало сумрачно и прохладно. Подул лёгкий ветерок, зашуршали листья деревьев. Где-то вдалеке ухнул гром.

Небо всё темнело и темнело.

И я услышал тревожный голос отца:

— Ой-бай, какая страшная гроза идёт! Как бы не было града! Как бы перед самой жатвой не побило наши хлеба!

Ветер усилился. Улица дымилась, как старый тюфяк, из которого выбивают пыль.

Сверкнула молния, и уже совсем близко оглушительно грянул гром, будто там, в небе, невидимый пастух огненным кнутом ударил по тучам, как по стаду чёрных баранов.

— Пронеси, господи! — молила мать грозное чёрное небо.— Не дай погибнуть нашим хлебам!

Крупные капли забарабанили по окнам, по крышам. Пусть дождь, пусть ливень, только не град. Если град, тогда всё пропало — и самовар, и корова, и сестрина шаль, и мой новый бешмет...

Как только кончилась гроза, я выскочил на улицу. Дорожные колеи и выбоины залило водой, но не видно было ни одной ледяной горошины. Чёрные тучи пронеслись, не причинив вреда нашим полям.

И лица выглянувших из домов людей просветлели, как небо, на котором снова ярко светило солнце.

— Уцелели наши хлеба. А дождь славный был, им на пользу...

Кто-то ещё сомневался:

— А не было ли града в поле?

Но ему возразили:

— Тогда бы и на улицу упало хоть несколько градин. А где они?

Всё же отец не вытерпел, пошёл в поле проверить. Он возвратился успокоенный, с пучком колосьев в руке.

— Смотри, Вали, какие крупные! Не было в поле града, стоит наша рожь, как стояла. Уже поспевает. И урожай, только б не сглазить, будет богатый. Через недельку, даст бог, сразу после базарного дня, начнём жать.

После базарного дня! Значит, ждать мне осталось недолго.

Вечером в чистом небе сиял молодой месяц, блестящий и острый, как мой будущий серп.

III

На всех старых серпах отец уже давно насёк зубья. В базарный день он купил и принёс домой ещё один новый серп, красивый, с зелёной ручкой.

Увидев новый серп, я выпалил:

— Пусть он будет моим!

Сестре Салимэ тоже понравился новый серп с зелёной ручкой. Но сестра у меня очень добрая, с младшими никогда не спорит.

И на этот раз Салимэ уступила:

— Я уже привыкла к своему прошлогоднему серпу. Пусть новый достанется Вали, раз ему так хочется.

Я не мог налюбоваться своим новым серпом. По сравнению со старым он казался таким блестящим, таким красивым! Когда же наконец я начну им жать!

И вот долгожданный день настал.

Мы поднялись раньше обычного, приготовили всё, что нужно, и выехали в поле. Там мы застали некоторых наших односельчан. И для них этот день был большим днём, началом жатвы.

Пока мы с отцом распрягали лошадь, сестра Салимэ с разрешения матери уже принялась жать.

— У нашей Салимэ счастливая рука,— сказала мать,— пусть она и начинает.

А я, новичок, выслушал отцовский наказ. Чтобы не поранить руку, остриё серпа, которым срезаешь колосья, надо немного наклонять вниз. Отец показал мне, как свивать перевясло — соломенный жгут, которым опоясывают сноп.

— Не делай его тонким. Тонкое перевясло порвётся, когда будешь переносить сноп, и сноп рассыплется. Ты понял меня, Вали?

Я ещё немного посмотрел, как быстро и красиво жнёт отец. Серп так и сверкал, словно играя, в его руке.

За отцом встала мать. Я встал между матерью и сестрой.

Я ещё не успел свить перевясло, как впереди меня глухо стукнул о землю третий сноп, поставленный Салимэ.

— Какие снопы тяжёлые! — радовалась сестра.— Это потому, что колосья крупные. Думаю, с одного воза пудов десять — двенадцать намолотим.

К нам подошёл сосед Хаким-бабай.

— Ого! Я вижу, и Вали начал жать. Так и надо. Очень хорошо, очень хорошо!

Я поставил свой первый сноп.

Отец, осмотрев его, посоветовал мне делать перевясла покрепче и собирать снопы крупнее. Тогда выгадываешь время: и перевясел понадобится меньше, и скорей перетаскаешь снопы.

Я готов был слушаться и отца и мать, но мой новый серп меня плохо слушался. Какой-то он тупой, неповоротливый, неудобный... Зря я не отдал его Салимэ!

Но родители подбадривали меня:

— Ничего, ничего получается, а потом будет ещё лучше...

Ныли большие пальцы на руках, но я снова нагибался, врезаясь серпом в гущу ржаных стеблей.

Я обрадовался, когда мать позвала обедать, хоть немного передохну. За обедом я всё поглядывал в поле: там стояло пока всего только двадцать, но моих снопов.

IV

Свою рожь мы убрали, но с новым серпом я не расстался. Мы нанялись жать рожь местного богача Салима-аги.

— Отдыхать будем потом. В страдную пору только и заработаешь,— любил повторять отец.

Первый день я жал вместе со взрослыми от утренней зари дотемна. Никто на меня не жаловался, и я не жаловался на свой серп.

На другой день мы услышали стук колёс. Это приехал бай проверять нашу работу.

Он оставил тарантас на краю поля и зашагал в нашу сторону медленно, озираясь, словно чего-то искал. Я понял: Салим-ага выискивал оставленные нами колоски.

Отец пошёл ему навстречу и вежливо приветствовал хозяина. Но бай словно не слышал отцовского приветствия, он начал разговор с попрёков:

— Галиахмет, так работать не годится. Грязно жнёшь. Слишком много хлеба остаётся в поле.

Бай помахал колосками, зажатыми в руке.

Отец стал оправдываться:

— Мы работаем честно и добросовестно, но за каждым колоском не углядишь. Если бы ты сам жал свою рожь, и после тебя бы тоже остались колоски.

Но бай продолжал твердить своё:

— Раз нанялись убирать мой хлеб, то должны работать чисто. Не зря я деньги плачу!

Бай искал повод, к чему бы придраться. Его бегающие глаза остановились на мне:

— А что здесь делает этот мальчишка?

Отец не успел ответить, как бай подошёл к копне и, присмотревшись, взял в руки мой сноп.

— Слабо завязано. Когда такой сноп будут переносить, он рассыплется. Так дело не пойдёт. Это ты вязал сноп?

Я молчал и, опустив голову, разглядывал свой серп.

— Разве можно доверять серп мальчишке? Какой из него жнец? Он только портит хлеб.

Лицо моё вспыхнуло от обиды. Я считал, что за это время уже научился. А оказывается, я жну плохо. Я только порчу хлеб!

Сперва отец разговаривал с баем сдержанно, но поскольку бай не унимался, отец не вытерпел и начал наступать сам:

— Вряд ли ты, Салим-ага, найдёшь работников лучше, чем наша семья. Но если тебе не нравится наша работа, на тебе свет клином не сошёлся. Пойдём к другому хозяину, который не будет нас попрекать так долго и незаслуженно.

Тут Салим-бай уже заговорил по-другому:

— Не горячись, я не хотел тебя обидеть, Галиахмет.

Я только хочу, чтобы в поле не оставались колосья. Каждый хозяин заботится о том, чтобы его рожь была чисто убрана.

Потом Салим-бай перевёл разговор на погоду, вспомнил прошлый дождь. И начал прощаться.

Стук колёс его тарантаса затих, и мы вздохнули свободно.

Отец был очень доволен, что осадил бая.

— Как разошёлся! И это плохо, и то плохо! Думает, раз он богатый — ему всё позволено, может зря обижать честных людей. Да не на такого напал. Я ему не спустил. А когда он понял, что не очень-то мы в нём нуждаемся,— сразу на попятный!

— Ещё бы! — усмехнулась мать.— Дорого ему обойдётся, если мы уйдём. Пока будут искать новых работников, рожь осыплется. А мы без него не пропадём. Вчера я встретила жену Ахмет-бая. Говорит: «Поработали бы у нас, нам нужны хорошие жнецы».

— Все знают, что мы хорошие жнецы,— гордо выпрямился отец.— Вот Николай тоже ищет работников. Предлагал мне за десятину по восемь рублей и ещё, говорит, дам фунт сахару и четвертушку чая.

Мы с сестрой Салимэ переглянулись. Оказывается, такие жнецы, как в нашей семье, нарасхват!

И снова заговорил отец:

— Не часто выпадет такой урожайный год, когда бедняки вроде нас смогут на заработанные деньги купить себе необходимое. Будем работать, сколько хватит сил!

И снова зашуршали соломины, срезаемые серпами.

Мой новый серп будто стал острей, да и мои руки двигались быстрей. По-моему, мы оба были довольны друг другом.

Мы жали молча, и каждый думал о своём: отец — о самоваре, мать — о корове, сестра — о шали, я — о бешмете, который заработаю своим серпом, когда научусь жать.

Хорошо бы в новом бешмете пойти в школу!

Очень мне хочется, чтоб он был красным. Самый на свете красивый красный цвет.

1926 г.

НАЁМНЫЙ РАБОТНИК

Тогда я был ещё совсем маленьким. Мои родители находились в услужении у бая Кабирова. Отец служил и кучером, и конюхом, и дворником, должен был выполнять всё, что прикажет хозяин.

А мать не только стряпала на кухне у бая, но и доила его коров, стирала бельё, ей доставалась самая грязная работа.

Дом Кабирова стоял в центре города. Богатый, красивый дом. Но мы жили в одном из маленьких флигелей, построенных рядом с конюшнями. Задняя стена флигелька примыкала к высокому каменному забору.

Да и сам наш дом был похож на каменный сарай. Свет

в него проникал скупо через два маленьких окошка, выходивших во двор. Большую половину дома занимала торчавшая посредине печь. Мы ютились на широких, сколоченных из длинных досок нарах.

У дверей была клеть, в которой весной держали телят.

Моей обязанностью было нянчить сестрёнку, ещё меньше меня.

Я нянчил её в одиночестве. Родителей мы почти не видели. Они были заняты у бая с раннего утра до позднего вечера.

Когда мы с сестрёнкой просыпались, родителей уже не было дома. Они заглядывали только к обеду, чтоб наспех попить чаю. Но это не всегда им удавалось.

В окошко слышался резкий стук:

— Эй, вы там, выходите! Дело есть! Хозяин зовёт.

И отец с матерью уходили, не допив налитый чай, не смели ослушаться бая.

Вечером они возвращались поздно, когда мы с сестрёнкой уже спали. Сквозь сон я слышал, как они разуваются, устало позёвывая.

Но бывало, и ночью прибегала прислуга и будила отца, чтоб передать ему новый приказ бая:

— Дед Ахмуш, проснись, вставай побыстрей! У бая гости. Бай велел запрячь вороного и развезти гостей по домам.

— Они всю ночь гуляли, пили, ели, теперь спать завалятся, а бедному человеку даже поспать нельзя! — ворчал отец.

Неохотно взяв сбрую, он покорно шёл к двери.

Я не помню, чтобы когда-нибудь мой отец и мать были весёлыми. Может быть, причина заключалась в словах, которые они часто повторяли: «Сколько ни трудись, доброго слова не услышишь, спасибо тебе хозяева не скажут».

Однажды ночью меня разбудил плач матери. Она плакала так горько и громко, что сон у меня как рукой сняло.

Плача, она разговаривала сама с собой: «Да будь ты чище, чем вода в ручье, белей молока — всё равно тебя очернят. Лучше умереть, чем служить им, проклятым!»

В это время домой вернулся отец. Озабоченный, хмурый. Я понял: что-то недоброе случилось, и уже не мог заснуть.

Отец долго молча сидел на нарах. Потом тяжело вздохнул и спросил:

— Кто мог их взять? И сколько же денег пропало? Я слышал, будто бы десять рублей. А может, и больше?

И мать, рыдая, стала рассказывать:

— Кто взял? Конечно, хозяйский сыночек Габдулла. Я своими глазами видела, как он схватил деньги и вышел. И бумажку разглядела: десять рублей. А когда я сказала об этом хозяйке, она на меня набросилась: «Не возьмёт мой сын, не возьмёт! Это ты сама украла и хочешь всё свалить на безвинного ребёнка. Это вы крадёте потому, что вы — нищие, голь, а у него всё есть. Зачем ему красть?»

Отец ещё больше расстроился:

— Надо уходить отсюда, искать новое место. Только вот задаток держит. Как только смогу вернуть задаток, ни одного дня здесь не задержимся. А пока придётся терпеть.

Ещё долго шептались отец с матерью. Я устал прислушиваться и уснул.

А на другой день из окошка нашего дома я видел, как оскорбили моего отца.

Отец подметал двор.

На двор въехала хозяйская пролётка. Кабиров мог ездить и без кучера. Он хорошо правил лошадьми сам.

Выскочив из пролётки, бай Кабиров быстро подошёл к моему отцу и начал его ругать:

— Чёрт! Почему не проверил, когда запрягал лошадь? Из-за тебя я мог искалечиться!

Потом я узнал, почему бай Кабиров рассердился на моего отца. В дороге у него порвались вожжи, лошадь круто повернула в сторону, и пролётка чуть было не опрокинулась.

— Если взялся мне служить, так служи как следует. Или убирайся на все четыре стороны и не показывайся мне на глаза. Плохому конюху скатертью дорога! — бай показал на открытые ворота.

Затем плюнул на землю и пошёл к дому.

— За кусок хлеба ты хочешь...— начал было отец.

Но Кабиров, обернувшись, грубо оборвал его:

— Он ещё пререкается... Да с кем ты споришь, нищий, рвань!

Отец ещё долго стоял неподвижно, опершись грудью о черенок метлы, и лицо у него было серое, как пыль, на которую у его ног плюнул бай.

У меня на глазах были слёзы. За что так унизили моего отца?

А вечером мать рассказала, как её бранила жена бая за то, что она нечаянно выронила тарелку и тарелка разбилась.

Когда человек не слышит ласкового, доброго слова, он невольно и сам ожесточается. Отец в раздражении начал кричать на мать, и она заплакала. Когда родители ссорились, и мне становилось грустно.

В нашем доме не было ни солнца, ни радости.

Хлеба в нашем доме хватало, но мы с сестрёнкой не знали лакомств. Иногда мать приносила какие-нибудь объедки с байского стола.

Однажды мать принесла сковородку с корочками от пирога. На вид они были такие вкусные, из них сочился жир. Мы с сестрёнкой заранее облизывались, ожидая чая.

Попить чай пришёл и отец.

Но только мы уселись, как дверь распахнулась. К нам пожаловала жена бая Фатиха-абыстай.

Она обвела всех злобным взглядом, подошла к столу, схватила сковородку с корочками пирога и направилась к двери.

На пороге она обернулась и прошипела:

— Ничего нельзя оставить на кухне. Сейчас же кухарка потащит своим прожорливым детям. А им, ненасытным, всё мало!

Мы были так поражены, что никто не вымолвил слова.

Дверь осталась открытой, и мы видели, как Фатиха-абыстай выбросила корки собакам, а пустую сковородку понесла домой.

Гробовую тишину нарушил хрипловатый от смущения голос отца:

— Что же ты без спросу взяла? Зачем ты это сделала, мать! Неужели не знаешь нрава нашей хозяйки: чем бы она ни была недовольна, виноватыми будем мы.

Мать покраснела и заплакала. Голос её дрожал, когда она начала говорить:

— Боже ты мой! День и ночь работаешь не покладая рук, а у тебя на глазах у твоих детей корки отнимут и выбросят собакам. Детям объедки свои пожалела!

Отец уже спокойно заметил:

— Зато собакам не пожалела. Собаки для неё дороже нас.

Но мать не могла успокоиться.

— Почему взяла? Потому что знала — хозяева эти корки доедать не будут. Зачерствеют, и выбросят: ни себе, ни людям. А я не могу смотреть, как добро пропадает. Всё это она от злости сделала. Злится на мужа, а злобу срывает на нас.

Потом отец с матерью ещё долго говорили про семью бая, про его дом, но я их разговор не понял.

В доме Кабирова я никогда не был. Сын Кабирова Габдулла, мой сверстник, со мной не водился. Сын бая не может дружить с сыном конюха и стряпухи.

И всё же один раз я переступил порог дома Кабировых.

Вот как это случилось.

Иногда я забегал к матери на кухню. Она быстро совала мне в руку маленький кусочек мяса и тут же выпроваживала: иди, иди скорей, пока тебя не заметила Фатиха-абыстай.

На этот раз мне ничего не перепало. Я не застал на кухне матери. Зато там вертелся хозяйский сын Габдулла.

В руках у него был мяч. Я сроду не видел таких огромных мячей, величиной с человеческую голову. Я словно прирос к полу, не мог уйти.

Габдулла заметил, что я не отвожу глаз от мяча, и похвастал:

— А у меня ещё лучше игрушки есть! Пошли в мою комнату, я тебе такое покажу, ахнешь!

Я помотал головой.

— Мне туда нельзя. Твоя мать заругает.

— Раз я тебя позвал, значит, можно.

Мне очень хотелось посмотреть на чужие игрушки, но я боялся. Сделав несколько шагов, я остановился у двери.

— Пошли! — подтолкнул меня Габдулла.

Я шёл и удивлялся: столько пустых комнат, словно никто в них не живёт. От этой пустоты на меня веяло холодом, я чувствовал себя в этом доме лишним.

По обе стороны двери свисали занавески. Мне чудилось, что за ними затаилось что-то недоброе, страшное.

Меня пугали даже горшки с цветами. Вдруг я нечаянно их задену, они упадут и разобьются, и хозяйка мне этого никогда не простит, как не простила матери разбитую тарелку.

А больше всего меня напугало огромное зеркало. Я отражался в нём, как в прозрачной воде. Мне казалось, сделай я ещё шаг, и меня засосёт: я упаду в эту зеркальную воду и утону.

Но я обо всём забыл, когда очутился в детской и увидел вороного коня.

Сперва я даже подумал, что в детскую забежал живой жеребёнок. Всё у этого игрушечного коня было, как у настоящего: и грива, и уши торчком, и длинный хвост. По-моему, от него даже пахло лошадью.

Вороной был осёдлан и, закусив удила, ожидал седока.

Габдулла вскочил верхом на коня и стал раскачиваться, словно пустил вороного рысью.

Я смотрел на него с восхищением.

Но недаром я подозревал, что за занавесками прячется что-то недоброе. Занавеска колыхнулась, и в детскую заглянула сама Фатиха-абыстай.

Увидев меня, она побелела. Я очень испугался и попятился к двери.

— Что ж это такое? — завопила Фатиха-абыстай.— Как ты сюда попал? Влез в чужой дом, чтобы в чистой комнате своих вшей напустить? Вон отсюда, паршивец!

Хозяйка схватила меня за руку и поволокла по пустым холодным комнатам, мимо зеркала, мимо горшков с цветами. Я так ошалел, что не помню, что ещё, выставив меня за порог, она кричала мне вслед.

Только дома я пришёл в себя. Сидя на нарах, вспомнил вороного красавца, его ушки и чёрный хвост. Если бы у меня была хотя бы маленькая игрушечная лошадка!

Прибежала мать, которой на меня нажаловалась Фатиха-абыстай, и принялась меня отчитывать:

— Нечего тебе делать в доме у бая. И как только тебя туда занесло!

Я не сказал, что меня зазвал Габдулла, а потом предал. Подумав, я решил, что мать права: раз я ему поверил и пошёл, значит, я виноват.

После этого случая я стал бояться выходить из дома. Вдруг кто-нибудь из семьи бая меня увидит и начнёт бранить.

Но через день-другой я не вытерпел. Трудно мальчишке сидеть дома, словно мышь в норе. Уложив сестрёнку спать, я шагнул через порог. Меня выманил на улицу летний весёлый день.

В саду у бая расцвела сирень. Через решётку свешивались её голубоватые гроздья. Я остановился у забора и, любуясь прекрасными цветами, нюхал душистый воздух.

Из дома на прогулку со своим домашним псом вышел Габдулла. Почему-то ему захотелось поиздеваться надо мной.

Резким толчком в грудь он сбил меня с ног. Я поднялся, хотел убежать, но Габдулла натравил на меня своего пса и ещё дворовых собак. Они потащили меня, вцепившись в полы моего халата.

Одна собака подпрыгнула, сорвала шапку с моей головы и умчалась, унося добычу.

— Взять его, взять! — науськивал на меня собак Габдулла.

От страха я громко заплакал.

Не знаю, что было бы со мной, если бы мой плач не услышал отец и не отогнал от меня собак.

Отец ничего не сказал хозяйскому сыну, но Габдулла немного сконфузился. Чтоб я перестал плакать, он сунул мне в руки букетик цветов и скрылся в саду.

Всё ещё всхлипывая, я стоял с букетиком возле забора. Чьи-то сильные пальцы больно дёрнули меня за ухо. Ко мне незаметно подошёл сам бай Кабиров.

— Кто позволил тебе рвать чужие цветы?!

Оттолкнув меня от забора, бай повернулся к отцу:

— Если этот маленький воришка ещё раз попадётся мне на глаза, я ему руки-ноги переломаю!

Отец хотел возразить, но бай закричал ещё громче:

— Нечего заступаться за своего щенка! На днях этот негодный мальчишка нахально залез в наш дом, сегодня он ворует цветы. В конце концов, это уже стало нестерпимо!

Дома я ещё получил подзатыльник от отца.

— Вечно ты, малый, чего-нибудь натворишь, а мне и без тебя неприятностей хватает!

Думаю, что всё же отец понимал, что я не виноват.

Потому, что когда к обеду пришла мать, они посовещались и мать начала укладывать наши вещи.

Я обрадовался. Значит, мы уезжаем! Уезжаем от злого бая, который плевал на отца, а меня выдрал за ухо, от его сварливой жены, от предателя Габдуллы...

И опять стук в окно: отца вызывали к баю.

Отец отсутствовал долго. Не знаю, о чём они говорили с баем, наверное, хозяин потребовал вернуть задаток. Потому что, вернувшись домой, отец приказал матери распаковывать вещи.

Мы остались.

Больше меня к байскому дому не подпускали. Мир для меня стал ещё тесней. Единственное место, где мне разрешалось дышать свежим воздухом,— пятачок во дворе под окнами нашего дома.

Мы жили как в плену. И никуда не могли уйти, пока отец не вернёт баю задаток.

И если мы ушли, то потому, что нам ворота открыло несчастье.

Заболел отец. Хватаясь за грудь, он часто кашлял. На лечение денег у нас не было.

Отец работал из последних сил. Но потом слёг и уже не поднимался с постели.

И безжалостный бай приказал нашей семье очистить помещение. Он наймёт себе другого, здорового работника, больные ему не нужны.

Несчастная мать металась по городу в поисках жилья. Наконец ей удалось снять лачугу на окраине.

Помню, как мы переезжали. Отец не мог идти пешком, ноги у него отказывались ходить.

Где-то матери удалось раздобыть маленькую двухколёсную тележку. Сперва она перевезла на тележке две наши подушки и зелёный сундук.

Когда мать во второй раз грузила на тележку вещи, неожиданно появилась Фатиха-абыстай.

— Ну и семейка! Только и думает, как бы прихватить чужое. У нас ничего лишнего нет. Этак мы сами обеднеем, если будем раздавать свои вещи всяким проходимцам!

И Фатиха-абыстай вырвала из рук растерянной матери вытертый палас, на котором спал отец.

— Абыстай! — взмолилась мать.— Оставь нам этот старенький палас. Неужели за столько лет работы мы его не заслужили? Прошу не для себя, для больного мужа. Он теперь лежачий, а подстелить мне нечего.

Абыстай стояла как каменная, крепко держа палас.

— Мать, замолчи! Кого ты просишь? — остановил маму отец.

Он захрипел и больше не мог говорить.

И тогда кроткая мать повысила голос на хозяйку:

— Дай бог, и тебе дожить до такого же дня, чтобы и твои бока узнали, каково лежать на голых досках!

Кое-как отец добрался до порога, но тут его зашатало, дальше ступить он уже не мог.

Мать усадила отца на тележку. Маленькая сестрёнка тоже норовила забраться туда же, но места для неё не было.

Я взял сестрёнку за руку, и мы побрели за тележкой, на которой мать повезла отца.

Когда тележка выехала за ворота, отец обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на то, что мы оставляли, и сказал:

— Слава аллаху! Я молил его не дать мне умереть здесь рядом с конюшней и проклятым байским домом. Милостивый аллах услышал мою просьбу, исполнил моё желание. Теперь я могу спокойно закрыть глаза.

Мать промолчала.

Фатиха-абыстай со своим сыном и служанками с любопытством смотрели, как мы переезжаем.

Габдулла не мог не посмеяться над чужой бедой:

— А ты, оказывается, плохой конюх, Ахмуш! Какую тощую лошадь запряг, да ещё двуногую. Далеко на ней не уедешь! Ха-ха-ха!

Не утерпела, чтобы не вставить словечко и Фатиха-абыстай:

— Так им и надо! Не умели ценить хороших хозяев, пусть теперь попробуют прожить без нас!

Ни отец, ни мать ничего не ответили этим злобным людям.

Когда мы очутились на улице, я с облегчением вздохнул. Я словно попал из темноты в светлый, просторный мир, где мог шагать свободно, а не топтаться на тесном пятачке.

Мне только жаль было измученную мать. Она надрывалась, тележка оказалась для неё тяжким грузом.

Дорога была неровная, вся в выбоинах. Мать часто останавливалась, как обессилевшая лошадь, и отдыхала, тяжело дыша.

Лишь к ночи мы добрались до места.

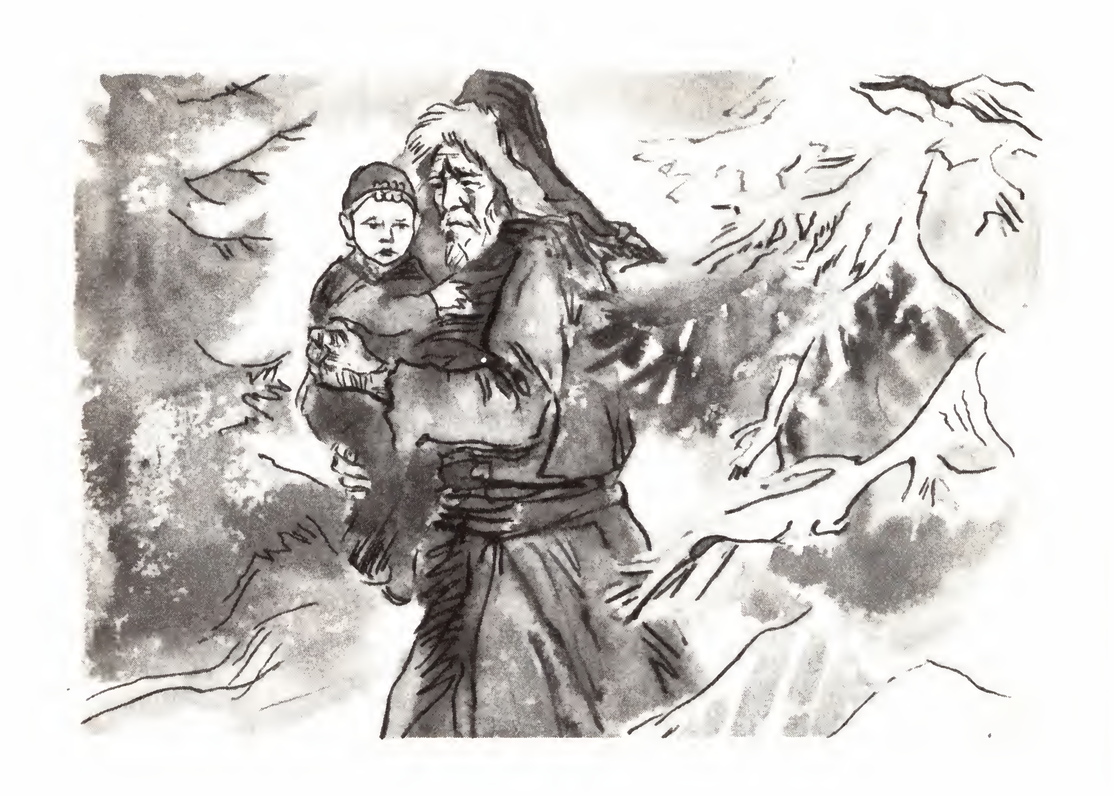
Отец надрывно кашлял и тихо стонал.

В темноте я не мог толком разглядеть наше новое жилище, но каким бы оно ни было, всё же лучше, чем у бая. Здесь, по крайней мере, никто не запретит мне играть на улице.

Много лет спустя я проходил мимо дома Кабировых. На вид красивый, он показался мне отвратительным. Я знал, что за светлыми окнами скрывались чёрные люди, из-за которых наша семья пролила много горьких слёз.

Мне ненавистен этот проклятый дом, в котором жили жадность, жестокость и ложь.

1921 г.

СТАРЫЙ ОХОТНИК

I

В затерявшейся среди уральских гор башкирской деревне все знали старого охотника Биккужу-бабая. Он всегда возвращался из леса с добычей. Говорили, что у него зоркий глаз и верная рука, его ружьё бьёт без промаха.

Но был день, когда Биккужа-бабай пошёл в лес не для того, чтобы охотиться. Он горячо любил свою красавицу дочь Алтынбикэ и её единственного сына. Что с ними случилось? Почему они не вернулись домой? Встревоженный старик отправился на поиски.

В лесу Биккужа-бабай узнал страшную правду. Его любимую дочь Алтынбикэ растерзали волки. Что могла сделать безоружная женщина против напавших на неё и на малыша лютых волков? Чтобы сохранить жизнь сына, мать, не задумываясь, отдала свою.

Алтынбикэ посадила малыша на ветку дуба, где его не могли достать волки, но сама уже не успела спастись.

Дед разыскал в лесу и снял с ветки дуба оцепеневшего от ужаса малыша.

С тех пор они живут вместе. Для старого Биккужи-бабая маленький Миннигарей — и внук и сын, вся его семья, свет жизни, радость и утешение.

Миннигарей гордится тем, что его дед лучший в деревне охотник.

Как-то летним ранним утром, увидев, что дед снимает со стены своё старое ружьё, Миннигарей спрыгнул с постели и вьюном завертелся возле Биккужи-бабая.

— Дедушка! Ты на охоту? Я прошу тебя, добудь мне оленёночка. Чтобы он был красивый, жёлтенький...

— Даст бог, добуду, сынок!

Старый охотник знал, что в этом летнем месяце лесных малышей и у оленей должны быть детёныши. И был уверен, что сможет выполнить просьбу внука.

И вот уже второй день бродит по лесу Биккужа-бабай со своей верной помощницей, охотничьей собакой по кличке Актырнак. Но нигде не видно оленьих следов.

Биккужа-бабай устал, устала и Актырнак, но упрямый старик решил, что с пустыми руками не вернётся домой. Как тогда он посмотрит внуку в глаза?

«Надо потерпеть,— мысленно сам себя уговаривает старик.— Не может быть, чтобы где-нибудь в кустах не прятался оленёнок».

Охотник с собакой прочёсывают кусты. Чаще всего олени прячутся в густых зарослях. Они ещё слабые и не могут долгое время следовать за матерью, им нужно укрытие, где бы они могли отдохнуть.

Но в кустах не слышно ни одного шороха. Лес молчит, лес хранит свои тайны.

Третью ночь зажигает Биккужа-бабай в лесу костёр. Волк боится огня, комары — дыма. Пламя охраняет сон старого охотника и его верного пса.

И вот наступил четвёртый день поисков. Актырнак видит, что её хозяин, наклонившись, что-то внимательно рассматривает. Наконец он нашёл то, что нужно,— оленьи следы.

Их два. Один покрупнее — след матери, другой поменьше — её детёныша. Следы совсем свежие.

Обрадованный охотник показывает следы собаке:

— Актырнак, друг мой, постарайся! Они где-то здесь, они не могли далеко уйти.

Солнце поднялось высоко. На открытых полянах нестерпимый зной, да и в тени деревьев становится душно.

Старик медленно передвигает ноги, натруженные долгой ходьбой.

Дрожа длинным, высунутым языком, бесшумно, как тень, скользит Актырнак, внимательно обнюхивая кусты и траву.

Лёгкий шорох. Хрустнул сухой сук.

Актырнак припала к земле. Она лежит неподвижно, как мёртвая. Собака и охотник ждут.

На опушке появилась оленуха. Над ней тучей кружатся, жужжат оводы. То ли от их укусов, то ли от страха зверь нервно подрагивает.

Старый охотник начинает осторожно приближаться к зверю, наводит на него ружьё.

Оленуха отступает назад и останавливается. Она словно говорит охотнику: я здесь, я не ушла!

Биккужа-бабай снова начинает подкрадываться к добыче, снова наводит ружьё на цель. И снова, не успев нажать на спусковой крючок, с досадой опускает ружьё — оленуха попятилась в кусты.

И так повторяется много раз.

Большие чёрные глаза оленухи бесстрашно и пристально следят за каждым движением охотника. Она видит человека, который пришел её убить. Почему же она не убегает? То, что её удерживает, сильней страха смерти — это сила материнской любви.

Она выманивает охотника на себя, рискуя жизнью, чтоб

отвести его от того места, где спрятался детёныш. Она согласна погибнуть, лишь бы оленёнок остался жив.

Вот уже несколько часов старый охотник мучается от этой игры в прятки. Он и сердится, и в то же время удивляется смелости и мужеству, с которым дикий зверь так самоотверженно защищает своего детёныша.

— Всё равно ты меня не обманешь,— шепчет Биккужа-бабай.

Он разгадал материнскую хитрость оленухи: она будет водить его по лесу, брать на измор.

Только зря она себя и его мучает. Старый Биккужа-бабай не первый день на охоте. Много красавцев оленей распрощались с жизнью, повстречавшись с ним. Его не разжалобишь.

Ему нужен обещанный внуку оленёнок. И он этого оленёнка добудет.

Лишь бы только узнать, где скрывается малыш.

II

Уже вечерело. Но мать-оленуха, пытаясь обмануть охотника, всё продолжала кружить по лесу, и так запутала Биккужа-бабая, что он потерял и ту, которую преследовал, и её следы.

Биккужа-бабай даже приуныл: видно, стал стар, раз какая-то оленуха могла его провести!

Но тут влажный собачий нос ткнулся ему в ногу. Что хотела показать хозяину верная Актырнак?

Старик оглянулся. В нескольких шагах от него под деревом стоял оленёнок, которого он выслеживал четыре дня.

Совсем малыш, не больше чем две недели от роду. Его точёные ножки ещё не стали выносливыми.

Вытянув гибкую шею, он старался ухватить своими нежными губами сочные листья с ветки. Жёлтый тёплый цвет его меха казался ещё теплее в лучах пробившегося через листву солнца, растопыренные ушки просвечивали розовым.

Оленёнок беспечно помахивал куцым хвостиком, не подозревая, что за его спиной стоит смерть.

Много оленей положил на своем веку Биккужа-бабай, и ни разу не дрогнула его рука.

Почему же ему сейчас так трудно поднять ружьё, словно оно налито свинцом?

Почему так сильно стучит его сердце?

Ему вспомнились кроткие, молящие о пощаде глаза матери-оленухи. Может, также смотрела с мольбой на волков

его несчастная дочь? Волки не пожалели Алтынбикэ. Но ведь он не волк, он — человек!

Услышав шорох, оленёнок насторожил ушки. Прислушалась и Актырнак.

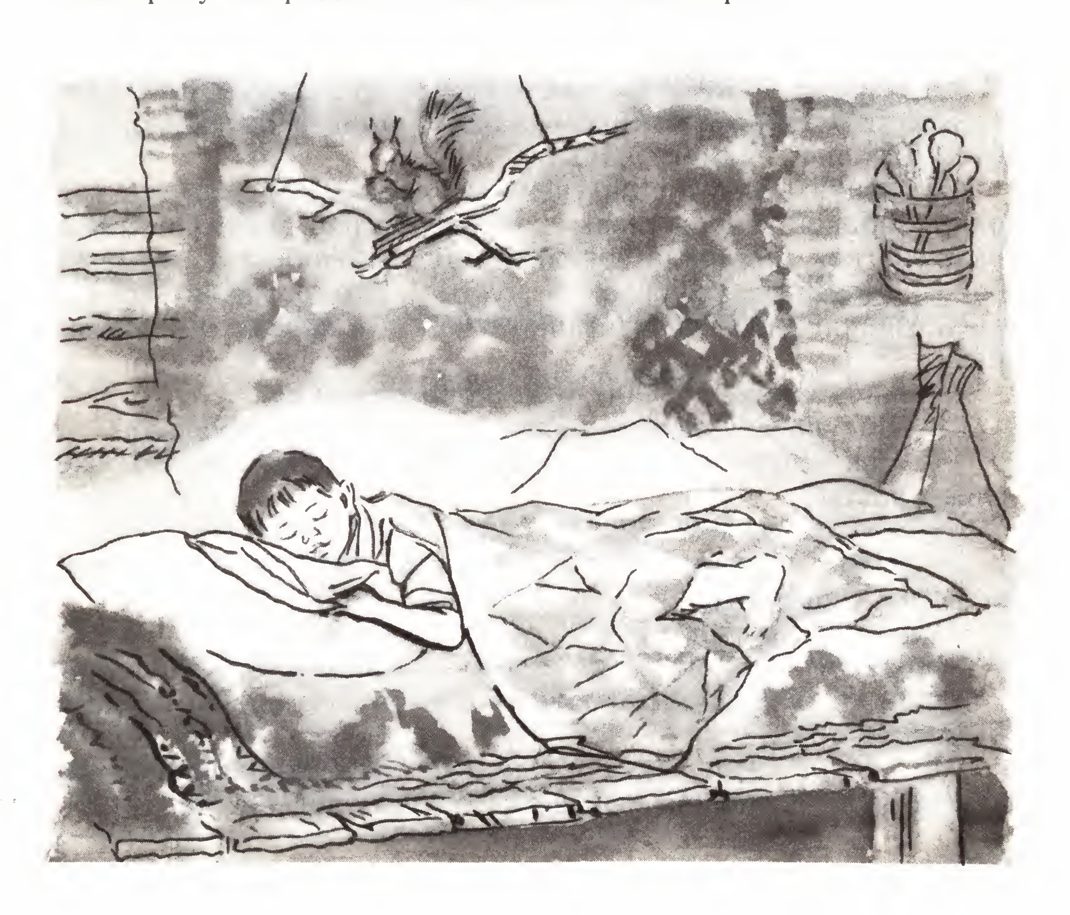
Охотничья собака ожидала привычного выстрела.

Но вместо выстрела раздался пронзительный свист.

Маленькие копытца ударились о землю. С быстротой молнии оленёнок исчез в чаще леса.

Добродушно посмеиваясь, старый охотник повлажневшими глазами посмотрел ему вслед: какой шустрый! Стрелой помчался, озорник!

На другой день старик с собакой добрались до дома. Навстречу им радостно выбежал Миннигарей.

— Дедушка! Я тебя ждал, ждал, совсем заждался. А где ж оленёнок? Ведь ты обещал.

Старик нежно погладил мальчика по голове.

— Не вышло, сынок.

— Почему не вышло? Ты его не видел?

— Видел. Совсем близко от меня стоял.

— И какой он, дедушка, жёлтенький?

— Как есть весь жёлтенький, только мордочка и копытца чёрненькие. Ты бы его увидел — ахнул! До чего же хорош! Ходит под деревом, щиплет листочки. Ну, я навёл на него ружьё...

— И ты... не попал?

— На таком расстоянии не промахнёшься. Жалко мне его стало, сынок. И мать-оленуху пожалел, которая, чтоб спасти его, целый день меня по лесу водила... Я не стал стрелять. Я свистнул, ну, он и дал стрекача. Так и ушёл от меня.

Дома Миннигарей потребовал, чтобы дед рассказал ему всё подробно с самого начала.

И старик долго и с увлечением рассказывал, как три дня они с собакой искали следы, как бесстрашно вела себя мать-оленуха, как Актырнак показала ему оленёнка, как, услышав свист, зверёныш бросился в кусты... Это особенно нравилось Миннигарею, он счастливо смеялся и просил ещё повторить.

Ложась спать, Миннигарей снова спросил:

— Дедушка, когда ты свистнул, он быстро побежал?

— Как ветер. Я глазом не успел моргнуть, как его уже след простыл.

— И он был весь жёлтенький?

— Точно, сынок: весь жёлтенький. Только мордочка и копытца чёрненькие.

Наконец мальчик уснул.

Во сне ему приснился жёлтенький оленёнок. Оленёнок был не один. Он нашёл свою мать, и они вместе ходили по лесу и щипали траву.

На тёплой печи уснул и усталый Биккужа-бабай. Лицо у него было спокойное. Он чему-то улыбался во сне.

1922 г.

КАК ПРОДАВАЛИ НАШИ ВЕЩИ

(В пору моего детства)

I

Сколько лет прошло, но и сейчас мне слышится тоскующий голос отца:

— Надо заплатить сборы, отдать недоимки...

О чём бы ни шёл разговор, отец сведёт на своё:

— Надо заплатить, а чем? Ведь продать нечего. Богатым, им что? Раз, и заплатили! У них и стадо баранов, и много земли. Почему же они платят сборы наравне с нами, бедняками! Разве это справедливо?

Я, мальчишка, не знал, что такое «сборы» и «недоимки», но я хорошо знал, что мы — бедняки.

Один-единственный пёстрый тюфяк, матрац, из которого вылезает шерсть, две маленькие подушки, небольшой коврик — палас, ветхий сундук, который того гляди развалится, да запаянный в нескольких местах самовар — вот и всё наше имущество.

Почему же эти люди мучают моего бедного отца, требуют денег, которых у него нет?

Если бы у отца были деньги, у нас бы не болели бока по утрам, потому что мы спим на голых нарах, отец купил бы нам войлочную подстилку — кошму.

Если бы у отца были деньги, мы бы, ребята, не ходили бы в рубашках, на которых больше заплат, чем у меня пальцев на руках и на ногах. И все заплаты разного цвета: серые, чёрные, синие, жёлтые — смотря по тому, какой лоскут для починки найдётся у матери в сундуке.

Пока мать чинит наши рубашки, мы должны лежать голые на печи.

Свесив голову с печки, я наблюдаю, как мать, растянув в руках рубашку, рассматривает её на свет и вздыхает:

— Не знаю, как починить, насквозь светится. Дыра на дыре, негде иголку воткнуть!

Мне хочется сказать матери, что зря она занялась починкой: завтра ветхая ткань опять поползёт. Но я молчу. Больше мне надеть нечего, рубашка у меня одна.

И матери тоже не во что переодеться. Когда она стирает своё единственное старое платье, ей приходится надевать отцовский чекмень. Однажды в таком виде её застали соседи, и бедная мать, сгорая от стыда, спряталась за печку.

С тех пор, собравшись стирать, мать посылает нас, ребятишек, на улицу сторожить у ворот, чтобы никто посторонний не зашёл в наш дом.

Если бы у отца были деньги, он купил бы матери хотя бы одно платье на смену.

Наши соседи богаче нас, они часто варят суп с мясом. Когда до нас доносится запах бульона, мы, ребята, шмыгаем носами, жадно вдыхая так вкусно пахнущий воздух. Эх, если бы нам хоть по глоточку горячего ароматного бульона, хоть по кусочку сочного мяса!

Ведь последний раз мы ели мясо месяц тому назад!

Если бы у отца были деньги, он купил бы мяса, и мы бы тоже ели сытный мясной бульон.

Отец не думает ни о мясном супе, ни о рубашках и платье, его одолевают грустные мысли:

— Раз я не уплатил сборы, не отдал недоимки, они придут и будут продавать наши вещи.

Я с удивлением смотрю на отца и спрашиваю:

— Как же можно продать самовар? Он нам нужен, мы каждый день пьём чай. И тюфяк — тоже нам нужен, он у нас один, мы на нём спим. Если продадут наши вещи, как же мы будем пить чай, спать и вообще жить?

— Продадут, продадут,— уныло твердит отец.

Я всё же думаю, что отец беспокоится напрасно. Я не могу поверить, что чужие люди продадут наши, нам нужные вещи. Это не может случиться.

И всё же это случилось.

II

Утром мы, мальчишки, как обычно, играли на улице.

И вдруг поднялась суматоха. Люди стали выносить из своих домов: кто мохнатую перину, кто пожелтевший тюфяк, кто залатанный самовар, кто почерневший от сажи котёл-казан.

Сперва я подумал, что начался пожар. Но ни дыма, ни огня нигде не было видно.

И тогда я догадался, что приехали отбирать вещи у тех, кто не заплатил сборы и не отдал недоимки, и бедняки в отчаянии мечутся, стараясь припрятать самое необходимое.

Надо было предупредить своих. Я помчался домой.

Дома уже всё знали. Отец, понурясь, сидел на лавке, обхватив голову обеими руками.

А мать, наклонившись над ним, шептала:

— Давай спрячем. Ну хотя бы тюфяк и перину. А то ведь они унесут. Говорят, уже целую гору вещей отобрали.

Но отец покачал головой.

— Никого в жизни не обманывал и обманывать не стану. Хотят уносить наши вещи — пусть уносят. Говоришь, целую гору вещей отобрали? Пусть бы их накрыла эта гора, чтоб они задохнулись под ней, чтоб она стала их могилой!

Я не стал больше слушать, выбежал на улицу и вместе с другими мальчишками вмешался в толпу, собравшуюся возле дома Хабир-агая.

Нам было и страшно и любопытно. Толпа окружала подводу, гружённую рухлядью, отобранной у неплательщиков-бедняков.

Грязные тюфяки, пожелтевшие облезлые кошмы, латаные-перелатаные самовары, казанки... Старые, жалкие вещи. Но кому-то они были нужны и дороги. Бывшие их владельцы, мужчины и женщины, не могли оторвать от отнятого у них имущества печальных глаз.

Перед подводой, разговаривая со стражником, важно прохаживался староста Саляхи. На груди у него блестела медаль. Но нас, мальчишек, куда больше интересовала шашка, болтавшаяся у стражника на боку.

Двое десятских[1] вынесли из дома Хабир-агая казан, должно быть вынутый прямо из печки, и самовар и швырнули на подводу. Самовар, ударившись о край подводы, жалобно загудел.

И толпа в ответ тихо загудела.

Из дома с женой и детьми вышел Хабир-агай.

Мы заработали локтями, чтоб протиснуться ближе и послушать, что говорит Хабир-агай.

— Самовар отобрали, казан отобрали, осталась одна коза. Как же мне жить с семьёй, с ребятами? Всё лето я на чужих полях спину гнул и не мог заработать столько, чтобы сборы заплатить...

Староста грубо оборвал Хабир-агая:

— Молчать, безмозглый! Денег не платит и ещё пререкается, других подстрекает против властей!

Толпа глухо заворчала.

---

[1] Десятский — выборный из крестьян, исполнявший обязанности полицейского в дореволюционной деревне.

Стражник что-то спросил по-русски у Хабир-агая, и тот ему ответил тоже по-русски. Я русского языка почти не знал и смог понять из ответа Хабир-агая только несколько слов:

— Я бывший солдат, откуда у солдата земля?

Должно быть, он сказал что-то ещё неугодное, потому что стражник подозвал к себе десятских, что-то им шепнул, и они навалились на Хабир-агая, пытались куда-то его увести. Но Хабир-агай отчаянно сопротивлялся.

Тогда стражник зычно крикнул, выхватил из ножен свою шашку. Мы даже зажмурились, так ярко она блеснула на солнце. Джиг! Шашка со свистом рубила воздух. Джиг... джиг...

Толпа в испуге попятилась.

Хабир-агай перестал сопротивляться, и десятские его увели. Жена и дети со слезами на глазах смотрели то на Хабир-агая, которого уводили десятские, то на самовар и казан.

Мы, мальчишки, были поражены: как это Хабир-агай не испугался такого важного и большого человека, как староста, даже отважился спорить с ним.

Один парень, постарше нас, нам объяснил:

— Хабир-агай был в солдатах, на военной службе всякое перевидел.

Ну, а солдат ничего не боится, на то он и солдат.

Подвода поехала дальше. Следующим был дом бабушки Сарби. И мы перекочевали туда же.

Десятские вытащили из дома бабушки Сарби перину и кошму. Как мы поняли из слов старосты, самовар бабушка Сарби успела припрятать.

Бабушка Сарби не спорила, не пререкалась со старостой. Она пыталась разжалобить его ласковыми словами:

— Саляхи, дитя моё, прошу тебя: пожалей мои старые кости, оставь мне перину и кошму. Работать я уже не в силах. Придётся продать козу. Тогда и уплачу за всё, что прикажешь...

Но Саляхи не пожалел бабушку Сарби.

— Когда продашь козу и придёшь к нам с деньгами, тогда и выкупишь свои вещички. Да не тяни долго, иначе пропали твоя перина и кошма. Всем вам даётся срок до следующего базарного дня. Больше мы ждать не будем.

И перина, и кошма бабушки Сарби полетели на телегу.

Нам, мальчишкам, было очень интересно: какие вещи будут выносить из дома дяди Мурата? Ведь он богатый человек. Наверняка у него найдётся что-нибудь получше, чем засаленный тюфяк или закопчённый казан!

Но подвода проехала мимо дома дяди Мурата.

Значит, в его кубышке нашлись деньги, чтоб уплатить сборы в срок. Ему нечего было бояться. С довольным видом он стоял у ворот, засунув руки в карманы.

На дядю Мурата не кричали, не замахивались на него шашкой, как на Хабир-агая, не потешались над ним, как над бабушкой Сарби. Староста и стражник даже поздоровались с ним за руку, немного постояли вместе, чему-то посмеялись. Бедному горе, богатому смех!

Ничего не взяли и у нашего соседа дяди Гинията. Не

смогли взять, дом был заперт на замок. Десятские отбили кулаки, барабаня в ворота, им никто не открыл. Хитрый дядя Гинията куда-то ушёл.

Тот же всезнающий парень объяснил нам, что сбить замок десятские не имеют права.

Почему мы не догадались уйти и запереть наш дом на замок?

Но теперь уже было поздно. Подвода остановилась возле наших ворот.

Мне было больно смотреть, как побледневший от волнения отец встречал незваных гостей. Он проворно вышел навстречу, жалкий, приниженный, как будто виноватый в том, что родился и прожил жизнь бедняком.

Никто не ответил на его вежливое приветствие и почтительный поклон.

Староста Саляхи строго спросил:

— Ну, Хисмат, приготовил деньги? Расплачивайся, да поскорее! У нас дел по горло.

Отец ещё больше съёжился, словно пойманный с поличным воришка. Переминаясь с ноги на ногу, он теребил свою начинающую седеть бороду.

Когда он наконец заговорил, голос его дрожал.

— Я не смог приготовить денег, Саляхи-агай. Но я собираюсь наняться к кому-нибудь жать рожь и попрошу задаток. А может тебе самому нужен работник, Саляхи-агай? На твоём поле я бы старался изо всех сил...

Но староста не дал отцу договорить:

— Ты что придумал? Залез в долги и ещё деньги у меня выпрашиваешь?! Думаешь, у меня их куры не клюют?

Чем мог заплатить долги отец? Своими трудовыми руками. Но, видно, у старосты и без него хватало работников.

— Нищета, Саляхи-агай, нищета...— словно извиняясь, забормотал отец.— Нищета просит. Оставьте нам наши вещи. У кого-нибудь я постараюсь занять деньги и заплачу...

— Об этом надо было думать раньше! — отрезал староста.

Он позвал стражника и вместе с ним направился в наш дом.

Мы, мальчишки, прильнули к окнам.

Я думал, что, когда они своими глазами увидят нашу бедность, им будет стыдно что-нибудь у нас взять.

Но они не постыдились, и наши самовар и тюфяк были брошены на подводу.

А потом мы стояли у ворот всей семьёй, глядя, как насильно увозят от нас наши вещи. Отец ещё больше понурился, у матери на глазах блестели слёзы.

Конечно, вещи были старые. Самовар весь в латках, вроде моей рубашки. Но как он весело шумел, словно напевал песенку, когда вокруг него собиралась вся наша семья.

Мы привыкли к нашим вещам, и они к нам привыкли. Хотя они и неживые, но, по-моему, им было грустно расставаться с нами, покидать наш дом.

И мне было их очень жалко. Особенно самовар.

III

Подвода уехала. Улица утихла.

Я снова вернулся домой. И сразу же почувствовал перемену. Наш дом уже не такой, как прежде. Там, где раньше лежал тюфяк,— пустота.

Мать пыталась закрыть эту пустоту двумя маленькими подушками, на которые не польстился староста Саляхи.

Взбивая подушки, мать заговорила. И голос у неё тоже был не такой, как раньше, словно чужой.

— Где бы найти денег, чтобы выкупить хотя бы тюфяк... Ведь это память о моей матери и моё приданое. Это первая вещь, которую я, молодая, когда мы поженились, принесла в свой новый дом. Потому-то он мне так дорог...

— Да ты не горюй,— откликнулся на жалобы матери отец.— До базарного дня раздобудем денег и выкупим и тюфяк и самовар.

Хотя в голосе отца не было уверенности, что он может выполнить своё обещание, мать успокоилась. Вспомнила, что время обедать, все, наверное, проголодались, надо поставить самовар.

Наш самовар увезли, и мы пошли просить у дяди Мурата и его жены. Но соседи нам отказали:

— Самовар нам самим нужен. Скоро вернутся работники с поля, надо же их чаем попоить.

Ну зачем они хитрили, зачем лгали? Ведь у дяди Мурата три самовара, хватило бы и для работников, и для нас.

Нашу мать не огорчил отказ. Она спокойно сказала:

— От богатого добра не жди. Ничего, обойдёмся! Не дай бог зависеть от этих скряг.

Мать поставила на огонь казанок, когда вода вскипела, заварила цветы травы матрёшки. Эту душистую заварку мы и пили, настоящий чай был нам не по карману...

Но на этот раз привычный чай никому не понравился.

— Пахнет железом! — поморщился отец.

А нам, ребятам, было скучно без весёлой песенки самовара. Ведь казанок не способен петь.

Потом в этом же казанке мать сварила суп из борщевника. Но и он показался нам не таким вкусным, как раньше.

В это время к нам пришла бабушка Сарби и начала жаловаться на свою горькую судьбу.

Одна она. Сына Фаттаха забрали в солдаты. С прошлой осени мать ждёт от сына весточки. Но Фаттах молчит. Может, его уже нет в живых? Другого сына, Салиха, освободили от воинской службы, чтобы он мог содержать престарелую мать. Салих уехал искать на заводе работу и пропал. И от него нет вестей.

Одна она. Заработать серпом, как раньше, не может, никто не наймёт жать старуху, да и нет у неё сил. Ноги плохо ходят, всё тянет прилечь. Но не полежишь на голых досках, а кошму и тюфяк забрали. И нет денег их выкупить.

Вот она и пришла к нам с просьбой:

— Хисмат, дитя моё! У тебя доброе сердце. Помоги мне!

Отец удивился:

— Но чем я могу помочь тебе, бабушка Сарби? У меня у самого нет денег.

— Хисмат, дитя моё! Я не денег прошу. Помоги мне в базарный день продать козу. Думаю, должны дать за неё три

рубля. Она того стоит. Тогда можно будет выкупить мою перину и кошму.

Мы переглянулись. Неужели бабушка Сарби решилась продать свою единственную козу, свою кормилицу! Как же она будет жить без козы? Но другого выхода достать деньги и заплатить долги у бабушки Сарби не было.

Бабушка Сарби ушла.

Ушёл и отец просить у кого-нибудь денег взаймы. Он вернулся домой поздно, без копейки в кармане. Одних хозяев он не застал дома, другие уже раздали задатки работникам, нанявшимся жать.

Ну, а тем, кто побогаче, некогда было выслушать просьбу о помощи. Они были заняты важным делом: ждали к себе на обед самого муллу.

На другой день отец снова отправился на поиски денег и снова напрасно.

Невесело стало у нас в доме. И не только у нас, но и у всех бедняков, чьи вещи будут проданы, если они не уплатят долги. И эти бедные люди, как и мой отец, безуспешно стучались в чужие двери.

И все — и мы и они — с тревогой ожидали базарного дня.

IV

В базарный день мать подняла всех нас рано. Но не успели мы выпить наш чай — отвар из матрёшки,— как под окнами послышалось козье блеяние. Запыхавшаяся бабушка Сарби тащила на верёвке свою козу.

— Вот привела,— с трудом выговорила бабушка Сарби.— Хоть бы попала моя козочка в хорошие руки. А она уж свою хозяйку не подведёт. Её держать выгодней, чем какую-нибудь коровёнку. Сама ест мало, а молока даёт много. И молоко у неё жирное, полезное.

Коза всё время громко блеяла. И я спросил:

— Почему она так орёт?

— Потому что отбилась от подружек, в стадо просится.

А может, чует недоброе. Она у меня умница. Всё понимает, хотя и коза.

Отец торопливо допил чай, взял верёвку, а мне приказал подгонять козу сзади прутом.

Мне было жаль бить ни в чём не повинное животное, но как быть с упрямицей, которая не хочет сделать ни шагу?

— Иди, иди,— уговаривала козу бабушка Сарби.— Ну что ты на меня так смотришь, в чём упрекаешь? Знаю, что ты меня поила и кормила, но и я тебя берегла как зеницу

ока, ухаживала за тобой, как за своим ребёнком. Не думала я тебя продавать, заставили меня...

Но коза не хотела слушать бабушкиных ласковых уговоров. Упёршись в землю всеми четырьмя ногами, она громко и жалобно блеяла, тряся бородой.

Пришлось мне взять в руки прут.

Бабушка Сарби в последний раз любовно похлопала козу по спине и заплакала:

— Прощай, моя хорошая!

Коза покосилась на прут и неохотно пошла за отцом. Но и по дороге она пыталась вырваться, крутила головой, всё оборачивалась и протяжно блеяла, будто спрашивала бабушку Сарби: «Куда ведут меня эти люди? Зачем ты отдала в чужие руки меня, которая тебе верно служила?»

И глаза у козы странно блестели, будто их застилали слёзы, будто плакала не только бабушка Сарби.

V

В этот день базар был завален кошмами, тюфяками, перинами, казанками, самоварами, отобранными у не уплативших долги бедняков. Распродажей их ведал староста Саляхи.

Среди этой груды вещей я всё же нашёл глазами наш тюфяк и наш самовар. Тюфяк, должно быть, швыряли как попало, потому что один край у него распоролся и наружу вылезла шерсть.

Да и самовар выглядел осиротевшим. С тех пор как его увезли из нашего дома, он потускнел.

Не было заботливой руки нашей матери. Ведь она каждое утро взбивала тюфяк, каждый день мыла самовар и чистила его толчёным кирпичом, смешанным с простоквашей. Потому-то наш старый самовар всегда блестел как новенький.

А теперь его блеск потух, и наш самовар не привлекал покупателя. За него предлагали всего два рубля. А на наш старый тюфяк вообще никто не смотрел.

Не пользовалась успехом и коза бабушки Сарби. Коз на базаре продавалось много, и цена на них резко упала.

Один приезжий предложил за козу бабушки Сарби рубль восемьдесят копеек.

— Разве это цена? — попробовал усовестить его отец — ведь только одна шкура стоит рубль.

И начал расхваливать козу: молока она даёт много, а будет давать ещё больше, она суягная...

Но приезжий отошёл, не дослушав.

Я очень обрадовался, увидев на базаре Хабир-агая. За пререкание с начальством его два дня продержали взаперти и наконец выпустили. Где-то он раздобыл деньги и, заплатив долги, выкупил у старосты Саляхи свой казанок и самовар.

Староста Саляхи и тут не удержался. При всём базаре стал поучать Хабир-агая, как надо ему жить:

— Пора поумнеть. Если не хочешь сидеть под замком, научись держать язык за зубами. Знаешь, почему тебя выпустили? Это я за тебя заступился, кому надо словечко шепнул!

Наверное, староста ждал благодарности, но Хабир-агай ничего ему не ответил. Молча взял свои вещи и повернулся к Саляхи спиной.

Здесь же на базаре продавались и рабочие руки. Бедняки из нашей деревни нанимались к богатым из соседних деревень жать рожь и косить сено.

Цены богачи назначали низкие: косарю за рабочий день сорок копеек, жнецу за десятину убранной ржи — два рубля денег и пуд ржаной муки.

Беднякам приходилось соглашаться на эти низкие цены для того, чтобы получить задаток и выкупить самые необходимые из своих вещей.

Пошёл наниматься и отец, оставив на моё попечение козу бабушки Сарби. Никто из покупателей её не облюбовал, а время шло, было уже далеко за полдень.

Тут я убедился, что у козы бабушки Сарби очень трудный характер. То она затевала драку с чужими козами, норовя их боднуть. То тянула меня к подводам приехавших из

соседних деревень богатеев. На подводах зелёной кучей лежала трава, предназначенная для лошадей, и проголодавшейся козе хотелось ухватить хоть клок этой шелковистой, свежескошенной травы.

Не знаю, как справлялась со своей любимицей бабушка Сарби, но я справиться с козой не мог. Она меня совсем замучила, и я вздохнул с облегчением, увидев, что возвращается отец.

Я хотел тут же вручить ему верёвку, которую продолжала натягивать коза, но он отвёл мою руку.

— Потерпи ещё немного, сынок!

И я терпел, пока отец, отсчитав деньги старосте Саляхи, принёс и положил возле козы на землю наш старый тюфяк, который был так дорог матери.

— А самовар? — робко спросил я.

Отец промолчал. Значит, на самовар денег у него не хватило. Значит, пропал для нас самовар...

Но мы не уходили с базара, продолжали стоять под палящим солнцем. Нужно было продать козу бабушки Сарби, за которую больше двух рублей никто не давал.

Никогда ещё летний день не казался мне таким длинным. Солнце жгло, а мы всё стояли, стояли...

Наконец отец решил послать меня домой, чтобы узнать окончательную цену у бабушки Сарби.

Бабушка Сарби, выслушав меня, задумалась. И потом сказала, что если за её бедненькую козу никто не даёт больше, то придётся согласиться, чтобы заплатить налоги и выкупить хотя бы перину.

— Чтоб они этим насытились, обиралы! — сердито закончила бабушка Сарби.

И я помчался на базар, чтобы передать её ответ отцу.

После долгих споров и криков отцу удалось выторговать ещё двадцать копеек.

За два рубля мы выкупили у старосты Саляхи перину бабушки Сарби. А вот с кошмой бедной старушке пришлось расстаться. Денег на неё не хватило.

Базар кончался. Крестьянские подводы начали разъезжаться по домам. На одной из подвод, тускло поблёскивая,

лежал наш самовар. Куда его увозили? Спросить хозяина подводы я не посмел.

— Что поделаешь, сынок! — с грустью сказал отец.— Не вернуть нам наш самовар, продал его Саляхи какому-то приезжему за три рубля. Вот заработаем у бая на жатве, тогда купим себе новый.

Но я любил наш старый, залатанный самовар, нашего доброго милого певуна.

Кому он теперь поёт свою весёлую песенку?

Мы погрузили наши тюфяки на подводу одного приезжего, и он довёз их до наших ворот.

Дома нас с нетерпением поджидали мать и бабушка Сарби. Конечно, они были огорчены потерей самовара и кошмы, но их немного утешило, что тюфяк и перина вернулись домой.

Мать бережно стряхнула с тюфяка пыль, зашила дырки и, радостно улыбаясь, положила его на то же самое место, где он раньше у нас лежал.

Мы остались без самовара, его заменил безотказный казанок. В нём мать и кипятила чай, и варила постный суп, и грела воду для стирки белья.

Иногда мать жаловалась на отсутствие самовара, и отец начинал её утешать:

— Вот отработаем задаток, пойдём ещё наниматься к кому-нибудь жать рожь, тогда и купим новый самовар.

Время шло, денег на покупку, как всегда, не хватало. И мы стали забывать, как приятно, когда в доме шумит самовар.

А вот свою длиннобородую молочную козу бабушка Сарби никак не могла забыть. Бабушка Сарби говорила, что теперь у неё стало болеть сердце, и всё оттого, что она пьёт чай без козьего молока.

— Какое молоко жирное было! — вздыхала бабушка Сарби.— Куда там другим козам до моей козы. Я бы ее на коровёнку не променяла. Вовек не забуду её, мою бедненькую!

И мы, слушая эти жалобы, жалели козу, а больше всего саму бабушку Сарби...

Я жалею бабушку Сарби и сейчас, когда в памяти встают мои детские годы.

Но мне жаль не только одинокую старушку, которая должна была продать свою кормилицу-козу, чтобы не спать на голых досках. Я вспоминаю согнувшегося от унижения отца, слёзы моей матери, печальные глаза женщин, провожающих подводу с тюфяками и кошмами, на которых они спали, с их домашней утварью, насильно отнятым у них имуществом.

Эту картину можно было наблюдать не только на нашей улице. Такова была участь всех бедняков.

Почему же могла существовать такая несправедливость? Одни жили впроголодь в нищете, тогда как другие, богатые, снимали со своих полей урожаи руками нанятых за гроши батраков.

Почему? Потому что тогда не было Советской власти.

1921 г.

ПРЕЖДЕ БЫЛО ТРУДНО — ТЕПЕРЬ ЛЕГКО

(Рассказы Гали-агая)

Гали-агаю под пятьдесят, но выглядит он старше своих лет. Ничего удивительного, ему много пришлось пережить.

Голова у Гали-агая наполовину седая, он горбится, на лице глубокие морщины. Последние годы зрение его ухудшилось и он носит очки.

Но душой Гали-агай не состарился. С девяти до четырёх часов он по-прежнему на своём рабочем месте. Всё делает аккуратно и точно. Ни одна минута рабочего времени у него не пропадает зря.

Да и дома на досуге он не сидит без дела: или читает книгу, или найдёт себе какое-нибудь занятие во дворе.

Всех, кто приходит к нему в гости, Гали-агай встречает с открытой душой. Приветливо улыбнётся и позовёт свою жену Асму, которую мы называем «апай»[1].

— Асма! Поставь-ка самоварчик. Видишь, к нам гости пришли. Надо их напоить чаем.

А когда мы начинаем отказываться, зачем беспокоиться, утруждать хозяйку, Гали-агай удивляется:

— Что значит утруждать здорового человека? Без дела, сложа руки может сидеть только лентяй или больной. Принять гостя — это радость, а не беспокойство.

Асма накрывает на стол. Весело шумит, созывая гостей, пузатый самовар.

И начинается дружеская беседа.

Гали-агай живо всем интересуется, и нам интересно с ним. О чём только мы ни говорим: о международном положении, о наших новостройках, о жизни современной молодёжи.

Гали-агай часто повторяет свою любимую фразу:

— Сейчас легко, а вот прежде было трудно!

Мы спрашиваем:

— Гали-агай, почему сейчас легко?

— Почему? Потому, что сейчас детям рабочих и крестьян открыты все дороги. Раньше сыну бедняка было трудно поступить даже в медресе — религиозную школу, где учили тому, что, как сейчас мы знаем, не стоит и ломаного гроша. А теперь каждый из вас может получить образование, только учись, не ленись! Все вы ходите в школы, и с родителей не спрашивают платы за ваше учение. Если ты прилежный и старательный, то можешь достичь в жизни желанного, выбрать себе работу по сердцу.

— А как было прежде, Гали-агай?

Гали-агай задумывается. Он в мыслях уходит в прошлое, он вспоминает...

И начинает рассказывать.

---

[1] Апай — старшая сестра, обращение к женщине, старшей по возрасту.

Когда вы прочитаете рассказ Гали-агая о жизни крестьянского мальчика-сироты, вы поймёте правдивость его слов: «Прежде было трудно — теперь легко!»

ДЕТСТВО ГАЛИ-АГАЯ

Пока живы были мои родители, я ещё знал радости детства. Мне позволяли побегать, поиграть с мальчишками.

Правда, книг в нашем доме не было, в школу я не ходил. Родители мои, простые люди, считали, что главное в жизни уметь заработать себе кусок хлеба. Этому я и учился с малолетства.

Как говорится: разумный человек раньше времени не запряжёт жеребёнка. Работу мне давали по силам, и я с удовольствием помогал родителям и дома и в поле.

Заметив, что я устал, мать говорила:

— Ну, а теперь отдохни, сынок.

Тяжёлые времена в моей жизни наступили после смерти отца и матери. В двенадцать лет я остался круглым сиротой.

Меня взял к себе в дом старший брат. Но здесь я не нашёл семьи. И сам брат относился ко мне не по-родственному, и его жена — енге просто меня невзлюбила. Я безропотно делал всё, что она мне поручала, но никак не мог ей угодить.

Однажды мальчишки играли на улице в мяч. Они позвали меня. Все домашние поручения я выполнил и со спокойной совестью мог поиграть.

Увлёкшись игрой, я забыл про свои горести: бегал, прыгал, смеялся. Только радость моя была короткой. Я услышал голос разгневанной енге.

Она стояла у ворот, поджидая меня, и тут же надавала мне пощёчин. А когда вошли в ворота, так наподдала, что я не устоял на ногах.

Но этим дело не кончилось. Когда домой вернулся брат, она ему на меня наябедничала, и он тоже меня поколотил.

И потом мне было сказано, чтоб я больше не смел играть с ребятами на улице.

— Если не послушаешься, пеняй на себя, плохо будет! — пригрозил мне брат. — Я тебя предупредил.

С тех пор я только со стороны с тоской наблюдал, как играют ребята, не смея присоединиться к ним.

Летом мой рабочий день начинался с восхода солнца. Я должен был пригнать домой лошадь, которая паслась в ночном.

Полусонный, с уздечкой в руках, я бежал на луг. Иногда приходилось искать долго. Если путы развязывались, лошадь могла уйти далеко.

Но и когда я её находил, она долго не давала надеть на себя уздечку. Конечно, тащить в поле соху или борону не так приятно, как щипать на лугу траву!

Стоило мне приблизиться к лошади, как она отбегала в сторону. Так мы и кружили по лугу. Хитрая лошадь словно играла со мной.

Дорого обходилась мне эта лошадиная игра.

Дома меня встречали бранью:

— Тебя только за смертью посылать! Где ты так долго болтался, лентяй! Наверное, искал утиные яйца.

Пока я гонялся за лошадью, все уже успевали позавтракать. Я наспех глотал остывший чай, чтоб не пришлось работать в поле голодным, ведь никто не будет ждать, пока я поем.

В пору моего детства железного плуга ещё не было. В башкирских и татарских деревнях пахали землю неуклюжей деревянной сохой. Удобней было, если её тащат четыре лошади.

Мы объединялись с соседями: у Хайри-бабая две лошади, у Гайфуллы-агая одна, и у нас одна.

Запрягали лошадей попарно: две впереди и две позади.

А я был погонщиком лошадей.

Иногда я вёл их под уздцы, иногда сидел на одной из задних лошадей, закинув их вожжи себе на шею. Вожжи передней пары я держал в руках.

Самое главное, чтоб лошади шли дружно, тогда будет ровной борозда. Но дело осложнялось тем, что по характеру наша четвёрка была очень разной. У Хайри-бабая одна

лошадь резвая, другая медлительная, неповоротливая, а у соседа Гайфуллы-агая и вовсе лентяйка.

И получалось так: резвая уже потянула, неповоротливая не поспела, ещё раздумывала, а лентяйка вообще не тронулась с места. Борозда выходила неровная, во многих местах оставались огрехи — невспаханные полоски земли.

Но виноват во всём был я.

На меня обрушивался гнев пахарей:

— Никудышный погонщик! Не может справиться с лошадьми!

Трудней всего было на поворотах, где нужно ровно закончить старую и ровно начать новую борозду.

Помню, как-то соха вильнула, и Хайри-бабай пришёл в ярость:

— Недотёпа! Чтоб тебя скривило, как ты скривил борозду!

И меня скривило. Брат швырнул в меня палкой со скребком, которым счищают землю с сохи. Палка попала мне в спину. Я свалился с лошади и лежал как мёртвый. От боли в спине не мог ни кричать, ни дышать.

Гайфулла-агай не выдержал, сказал брату:

— Ты поостpожней, дурак, как бы не убил ребёнка. Хоть он и сирота беззащитный, но придётся тебе отвечать.

В этот день спина моя немного отдохнула от палки, но потом брат забыл, о чём предупреждал его Гайфулла-агай.

Намаялся я, когда мы поднимали целину под просо. И лошади не хотели тянуть, и никак не удавалось наладить соху: то ломаются деревянные клинья, то лопаются вальки.

И опять пахари бранили меня по-всякому за то, что не умею заставить коней идти дружно.

Доставалось от пахарей и лошадям.

Сейчас целину пашут тракторы, а каково было это делать тощим крестьянским клячам! Может, лошадь Гайфуллы-агая и не была ленивой: просто у неё не хватало сил.

Но Гайфулла-агай так на неё озлобился, что стал колотить палкой по голове, чуть не выбил ей глаз.

Два дня после этого из глаза всё время катилась слеза, словно лошадь плакала.

Я ничем ей не мог помочь. Я только жалел её всем сердцем. Ведь меня тоже били. Мы с ней были товарищами по несчастью. Мне казалось, что лошадь это понимает и тоже жалеет меня.

За время пахоты я так отощал, что будь мать жива, пожалуй, и она бы меня не узнала. Кожа на руках задубела, нос заострился, волосы отросли и свисали на лоб. Одёжка превратилась в лохмотья. Оборванный, лохматый, худой, чёрный от солнца, я был похож на нахохлившуюся птицу — дергача.

Не легче было и на сенокосе. Копны на длинных арканах-верёвках волочили лошади, которыми я управлял. Участок наш был неровный, кочковатый. Если на пути к стогу, застряв на кочке, копна разваливалась — опять виноват был я.

Подбегал брат и, ругаясь, награждал меня пинком.

После работы в поле лошадь пускают в ночное, она может отдохнуть, а у меня и дома не было ни минуты отдыха. То дай пойло корове, то убери за телёнком — всё на меня, на меня...

А хуже всего, если енге сунет мне в руки своего грудного младенца:

— Мне некогда. Посмотри за малышом!

Малышу давали сосать завёрнутый в тряпку подслащённый хлебный мякиш От этой соски у малыша разболелся живот. Он захлёбывался от плача.

Я его качаю — он орёт, я хожу с ним по дому — он орёт.

Наконец енге, закончив свои дела, вырывает у меня из рук ребёнка и грубо отталкивает меня:

— Почему у тебя ребёнок плачет? Это ты его заставляешь плакать, ты малыша нарочно щиплешь, чтобы не нянчить его. Недаром говорят: «Телёнка вырастишь — масла наешься, сироту вырастишь — кровью обольёшься!»

От обиды слёзы застилают мне глаза.

А енге, увидев, что я плачу, вместо того чтобы пожалеть меня, даёт мне пинка.

— Он ещё плачет! Так я и поверила слезам шайтана. Уходи отсюда, видеть тебя не могу!

Схватив старый чекмень, я выбегаю на улицу.

Где переночевать мальчишке, которого выставили за дверь? Хорошо, что есть сеновал. Вместо матраца мягкое душистое сено, вместо подушки подкладываю под голову шапку, укрываюсь старым чекменём.

Хотя я очень устал, но сон меня не берёт. Всё думаю о том, что в доме брата никто меня не любит, что нет у меня детства. Какое же детство без игры, без радости, без ласки, без тепла семьи...

Утром меня будит сердитый окрик:

— Хватит дрыхнуть, вставай!

И я знал, что новый день не принесёт мне ничего нового: опять работа, работа, работа, побои и брань.

По четвергам деревенские ребятишки играли с крашеными яйцами. Енге дала по два крашеных яйца своим детям. А мне ни одного не дала.

Сам я играть не мог. Мне хотелось хотя бы посмотреть, как играют другие. Но енге меня высмеяла:

— Давно уж джигитом стал, скоро усы вырастут, и туда же, как маленький, крашеными яичками поиграть захотел!

К её брани и насмешкам я привык. Но не мог привыкнуть к тому, что она унижает меня перед чужими людьми, жалуется на меня соседкам:

— И когда мы только от этого сироты избавимся! Лишний рот, да ещё прожорливый, всё в доме подчистит: ни сливок, ни катыка[1] от него не убережёшь!

Это она по злобе говорила. Я мог поклясться, что не только катыка не ел и сливок не пробовал, но даже ломоть ржаного хлеба без спроса не решался взять.

Особенно после того, как услышал от брата:

— Навязался ты на наши головы, браток!

В доме брата я прожил два года, пока не случилось непредвиденное, коренным образом изменившее мою жизнь.

---

[1] Катык — сметана.

ГАЛИ ОСТАЁТСЯ БЕЗ ДОМА

Этот день я провёл на току, где молотили просо.

Я погонял лошадей, встряхивал солому, подметал полову, помогал насыпать зерно в мешки.

Тогда в наших деревнях машин — молотилок и веялок — не было. Молотили или лошадьми или цепами — сыбагасами, а потом веяли на ветру. Вручную, как ни старайся, больше четырёх-пяти возов не намолотишь.

Солнце уже село, когда мы вернулись домой.

Едва я успел перекусить, как брат дал мне новое поручение: отвести лошадь на луг и стеречь её до утра.

Мне было строго-настрого приказано:

— Чтобы к восходу солнца ты был дома!

В сумерки я добрался до места, где собираются мальчишки в ночное.

Небо заволокли тяжёлые тучи. Стало совсем темно.

В темноте я заблудился и уже не мог понять, где я нахожусь, в какой стороне наша деревня.

Я попробовал разыскать мальчишек. Приложив ладони ко рту, протяжно звал:

— Ахмет, где ты?

Темнота молчала.

— Ре-бя-та-а! Отзовитесь!

Никто не откликнулся на мой зов.

Куда теперь идти! Разыскивать ребят мне очень мешала лошадь. Голодная, она всё время останавливалась и жадно тянулась к траве.

Приходилось тащить её насильно.

Мне казалось, что в темноте кто-то прячется. Вроде я один и вроде не один. Будто стоит на лугу низенький чёрный человечек.

Мне стало страшно. А может, это ребята надо мной подшучивают? Я осторожно подошёл ближе. Оказывается, то был куст ивняка, а не человек.

Долго мы с лошадью плутали в темноте, пока не набрели на стог сена. Тут я и решил заночевать: лучше места не найти.

Стреножив лошадь, я пустил её пастить, а сам выкопал в стогу ямку и залез в неё, как барсук в нору.

Пахло сеном и лошадью, которая неподалёку щипала траву.

Хотя я сильно устал за день молотьбы, но страх не давал мне заснуть.

Было очень тихо. Но вот лошадь громко фыркнула, и я осторожно выглянул из своей зелёной душистой норы.

Кого-то лошадь почуяла. Может, по лугу кто-то ходит, а кто, в темноте не разглядишь.

А вдруг это волк? Что тогда делать? Лежу и дрожу...

Долго я мучился, пока не заснул.

Утром, когда я вылез из стога, солнце было уже высоко. Оно проснулось раньше меня. Я вздрогнул, вспомнив вчерашний строгий наказ брата:

— Чтоб к восходу солнца ты был дома!

Встревожило меня и отсутствие лошади. Куда она могла подеваться? Схватив уздечку, я побежал её разыскивать.

Теперь при свете солнца я узнал место, где провёл ночь. Рядом с лугом находилось поле, где только что убрали просо, и не все хозяева успели свезти снопы. А что, если...

Я прибежал на поле, и у меня потемнело в глазах. По полоске Карим-бабая, уплетая просо, спокойно разгуливала наша лошадь. Должно быть, она забралась сюда давно, потому что успела разворошить копну и расшвырять и потоптать снопы, выискивая колосья повкусней.

Надо было поймать её как можно быстрей, но сделать это было непросто. Увидев меня, лошадь навострила уши и отпрянула в сторону. Путы развязались, и ничто не мешало ей бегать.

И началась обычная игра: я за лошадью, она от меня. Только на этот раз ставкой в игре была моя судьба.

Чтоб перерезать путь лошади, я бросился в обход. Лошадь я не поймал, зато сам попался.

По полю бежал хозяин полоски Карим-бабай.

И тут меня охватил страх, с которым не могли сравниться все страхи прошлой ночи.

Размахивая кулаками, Карим-бабай кричал:

— Стой, негодяй! Я тебя узнал! Это ты погубил моё просо! От меня не уйдёшь!

Раз он меня увидел, то бежать было бесполезно: и не исправишь свою ошибку, и не спасёшься. Я остался на месте.

Скверно ругаясь, старый Қарим подбежал ко мне. Размахнулся и правой рукой наотмашь так ударил меня по лицу, что у меня искры из глаз посыпались.

От второго удара по левому виску я свалился как подкошенный и, лёжа на земле, заревел.

— Вставай, паршивец! — сердито приказал мне Карим-бабай. — Надо поймать твою проклятую лошадь.

Плача и дрожа, я медленно поднялся. Из носа у меня текла кровь.

Гнев отпустил Карим-бабая, и он сказал уже мягче:

— Эх, малый! Ведь ты угробил мои снопы. Не для того я сеял и убирал просо, чтобы кормить им чужих лошадей.

Вроде старик меня пожалел, и я тоже себя пожалел и от этого расплакался ещё сильней.

Карим-бабай нахмурился:

— Не плачь, джигиты не плачут. Сейчас я приведу твоего брата, он мне заплатит за потравленные снопы.

«За потравленные снопы заплатит брат», — тихо повторил я, и меня зазнобило от этих слов. Когда брат узнает, что ему надо платить, он меня убьёт...

Чтобы остановить кровь, которая всё время текла из носа, я сорвал два мягких листочка и засунул в ноздри.

И опять побежал за лошадью.

За это время она перекочевала на другое поле и там, весело размахивая хвостом, теребила новые снопы.

Вдвоём с Карим-бабаем — я зашёл с одной стороны, он с другой — мы её всё-таки изловили.

Солнце поднялось уже высоко, и в поле стал собираться народ. Карим-бабай привёл на свой участок Ахмет-агая и ещё одного крестьянина из нашей деревни, показал им попорченные нашей лошадью снопы. Каждый крестьянин знает, как трудно вырастить урожай и как горька потеря. Они согласились быть свидетелями.

Заручившись их согласием, Карим-бабай мог начать разговор с моим братом.

И по направлению к деревне тронулось шествие. Карим-бабай вёл меня как заложника, крепко держа за руку, хотя я не пытался убежать.

Моего брата не пришлось разыскивать, он сам шёл нам навстречу. Он отправился на поиски, поскольку я не явился домой в назначенный срок.

И вот я стою перед ним. На лице потёки невысохших слёз, из носа торчит трава.

Брат не успел спросить, что случилось, его опередил Карим-бабай:

— Зачем ты, Вали, посылаешь в ночное мальчишку, который не может справиться с лошадью? Твоя лошадь забралась на мой участок и угробила мои снопы.

Брат уставился на меня:

— Это правда?

Я не умел обманывать: отец с матерью учили меня, что всегда надо говорить правду. И сейчас я не мог солгать, хотя и знал, что меня ждёт.

— Да, правда! — тихо признался я.

Брат как будто ждал моего признания. В ярости он принялся меня колотить. Не знаю, что бы он со мной сделал, наверное, избил бы до полусмерти, если бы его не остановил Карим-бабай.

Листья, которые я заткнул в ноздри, выпали, из носа опять потекла кровь, её вкус я чувствовал и во рту. Голова у меня кружилась. Мне было так плохо, что я даже не мог плакать.

Карим-бабай повёл брата на свой участок, чтоб показать попорченные нашей лошадью снопы.

Брат обернулся и гаркнул:

— Айда, поросёнок! Не отставай!

И я поплёлся за ними... Увидев разбросанные и растоптанные нашей лошадью снопы, брат снова рассвирепел:

— Что у тебя, руки отсохли? Не мог как следует лошадь стреножить! Одни убытки от тебя, лодырь.

Брат опять раза два больно ударил меня, и опять его остановил Карим-бабай.

Тут подошли свидетели. Они не могли не увидеть моё окровавленное лицо. Ахмет-агай попробовал усовестить брата:

— Осенью за лошадьми трудно смотреть, все они в поле лезут — колос сытней травы. Ну, виноват Гали. Но можно ли так избить ребёнка?..

— А кому убытки платить, мне или ему? — огрызнулся брат.

Возле развороченной копны разгорелся спор.

— Целый воз испортила! — доказывал Карим-бабай.

— Где у тебя глаза? Тут воза не будет! — не соглашался брат.

— Нет, будет, будет! — упорствовал старик.— Не веришь мне, давай людей спросим.

Когда брат понял, что ему придётся платить больше, чем он рассчитывал, глаза его налились кровью. Он снова хотел ударить меня.

И, как заяц, которого травят собаками, я пустился по полю наутёк к реке, там можно было укрыться в густых кустарниках.

Брат крикнул мне вдогонку:

— Чтоб твоего духа в моём доме не было! Чтоб больше ты не попадался мне на глаза! Я за себя не ручаюсь: увижу — убью!

С разбегу я грудью врезался в кусты. Надо бы отдышаться, но страх перед братом, который найдёт меня и снова будет бить, погнал меня дальше, в самую чащу.

Ломило виски, рябило в глазах, ноги подкашивались. Я упал на землю, уткнулся лицом в опавшие листья, от которых сладко пахло осенью, и долго-долго плакал.

Я плакал о том, что идти мне некуда, назад дороги нет. Но когда я выплакался, стало легче: больше мне не придётся терпеть побои брата и злобную ругань енге, я навсегда покинул их трижды проклятый дом.

Был тихий тёплый предосенний день прощания летнего солнца с землёй. В воздухе сверкали золотые искры летающих паутинок.

На озере крякали дикие утки, о чём-то совещались перед отлётом. Может, старые селезни предупреждали молодых, как надо остерегаться охотника. Наверное, для них охотник был так же страшен, как и для меня брат.

Высоко в небе перекликалась журавлиная стая. Я проводил глазами летящих птиц. Счастливые! Если бы я мог улететь с ними далеко-далеко!

Вода в озере была чистая и спокойная, на гладкой поверхности ни одной морщинки.

Я наклонился, чтобы помыться, и испугался, увидев в зеркале воды своё отражение. Что стало бы с отцом и

матерью, если бы они увидели своего бедного Гали! Распухший нос словно вырос, так сильно его раздуло, на лбу синяки и шишки, по чёрному от грязи лицу размазаны потёки слёз и крови.

Морщась от боли, я смыл с лица кровь и грязь. Потом лёг в траву на солнечной полянке и заснул.

Проснулся я от озноба. Солнце ушло с полянки, с севера подул прохладный ветер, нагоняя мрачные чёрные тучи.

Мне очень хотелось есть. Ведь со вчерашнего вечера у меня, как говорится, маковой росинки во рту не было. Эх, если бы найти горбушку чёрного хлеба! Как бы я вцепился в неё зубами! Когда ты голоден, нет ничего на свете вкуснее, чем чёрный хлеб!

Будь сейчас весна, я бы пожевал щавель, борщевик и другие съедобные травы. Но осенью их не найти.

На черемухе кое-где остались чёрные бусины ягод. Я залез на дерево и, переступая с ветки на ветку, стал срывать редкие кисточки. Но ягод было слишком мало, чтобы я мог насытиться.

Я попробовал даже калину, которую птицы не клюют. В животе по-прежнему бурчало от голода.

Коричнево-чёрные облака наползли на солнце, которое опускалось всё ниже. Ветер усиливался. Холодный, резкий, он пронизывал меня до костей.

Надо было решать: куда идти, где провести ночь.

Будь сейчас лето, когда ночи короткие и тёплые, я бы не беспокоился. Лежал бы в траве под деревом и слушал бы соловьёв. Но осенью в лесу задрожишь.

Я вышел к просёлочной дороге. Послышался скрип колёс: это наши деревенские возвращались с поля домой. Спрятавшись в кустах, я наблюдал за ними...

Вот это подвода Насри-бабая. Со своими двумя сыновьями он огораживал стога. Старик что-то тихо бормочет, сыновья весело переговариваются. Трудовой день окончен, можно теперь отдохнуть.

А это две подводы Рафик-бабая. У него большая семья. И все они — сыновья, дочери, невестки — дружно работали на молотьбе.

Я смотрел на них с тоской и завистью. Они ехали домой. А у меня не было ни дома, ни семьи.

Стук колёс затих, и по безлюдной дороге я медленно побрёл в сторону деревни. Если в прохладную пору подойти с поля к деревне, на тебя пахнёт теплом человеческого жилья. В тот вечер, стоя на деревенской околице, я сильней обычного чувствовал это тепло.

В какую дверь мне постучаться? Кто пустит переночевать бездомного сироту?

Может, попробовать незаметно забраться к брату на сеновал? Спать в сене тепло, а утром, если уйти до восхода солнца, ни брат, ни злая енге не заметят, что я приходил.

Позади послышались шаги, и я испуганно обернулся.

По дороге шёл человек. Должно быть, возвращался из леса, где заготовлял дрова на зиму: за поясом у него поблёскивал топор. Я узнал Фахри-бабая. Он часто заходил к нам, когда живы были мои родители, и всегда был ласков со мной.

И Фахри-бабай узнал меня:

— Гали, дитя моё, что ты делаешь здесь один-одинёшенек в такую позднюю пору?

Сказать правду — значило пожаловаться на брата, а лгать я не привык. Не зная, что ответить, я вздохнул.

— Почему ты молчишь? — допытывался Фахри-бабай.— Может, тебя кто-нибудь обидел? Слышал я, что тебе плохо живётся, что у твоего брата злая жена.

Ну, раз он уже слышал, значит, я не выдам семейную тайну. Я рассказал Фахри-бабаю про злосчастную лошадь, про то, как брат меня прогнал и запретил показываться ему на глаза.

Фахри-бабай слушал меня внимательно, и, выслушав, выругал брата, и посочувствовал мне.

— Грех доводить до слёз сироту. Подумаешь, невидаль: лошадь потрепала снопы! Осенью это часто бывает.

Разговаривая, мы поравнялись с домом Фахри-бабая. Я хотел попрощаться, но добрый старик сказал:

— Айда, дитя моё, заходи в наш дом, у нас и переночуешь. Много ли ребёнку надо? Я видел добро от твоих

покойных родителей, пришёл мой черёд отплатить их сыну добром.

Дома Фахри-бабай поставил топор на место и сказал своей жене бабушке Галиме:

— Вот, старуха, я подобрал на улице мальчонку. Что у тебя есть горячее, чтоб нас покормить?

Бабушка Галима, взглянув на меня, всплеснула руками:

— Сынок! Кто же тебя так разукрасил? Брат, что ли, или сноха? Уж больно она злобная, от такой можно всё ожидать.

Я молчал. Фахри-бабай рассказал жене мою историю: где он увидел меня и почему зазвал к себе ночевать.

От горячей похлёбки, от тепла дома, от ласковых слов я отогрелся. И постель, в которую меня уложили, тоже была тёплой.

Давно я так хорошо не спал, как в эту ночь у добрых людей Фахри-бабая и бабушки Галимы.

Утром голова у меня уже не болела, но шишки и синяки не прошли. Бабушка Галима меня накормила. Я было собрался уходить, но она удержала меня:

— Куда ты пойдёшь, сынок? Поживи у нас. Если твой брат захочет, то придёт и тебя заберёт. Если же ты явишься незваный, непрошеный, то опять заработаешь синяки и шишки.

И я остался жить у приютивших меня добрых людей.

Я всё ждал, что придёт брат и позовёт меня домой. Но он не появлялся, хотя и знал, где я нахожусь.

Мне передали слова брата: «Даже скотина знает место, где её кормят, и всегда возвращается в стойло. Мальчишка никуда не денется, придёт домой, когда проголодается. А не придёт, чёрт с ним! Невелика беда, не больно-то он нам нужен».

Услышав эти слова брата, я твёрдо решил, что больше никогда не переступлю его порога.

Так в тринадцать лет я навсегда расстался с родным домом.

ГАЛИ В МЕДРЕСЕ

Фахри-бабай и бабушка Галима не хотели меня отпускать, но мне трудно было сидеть без дела и стыдно даром есть чужой хлеб. Ведь сами они были бедняки, едва сводили концы с концами.

И ещё мне хотелось учиться, стать грамотным.

Наступила осень — время, когда в школах начинается учебный год.

В те времена для детей мусульман в сельских местностях были только духовные школы — медресе, куда принимали одних мальчиков.

В нашей деревне была своя медресе, но учеников-шакирдов в ней было мало. А я — сирота и бедняк — должен был думать не только об учении, но и о куске хлеба.

Вот почему я решил уйти из нашей деревни в соседнюю, где возле мечети была большая медресе. Там учеников много, и, прислуживая какому-нибудь богатому шакирду, я смогу прокормиться.

Фахри-бабай одобрил моё решение, и старики стали собирать меня в дорогу. Бабушка Галима надвязала мне носки, выстирала и залатала мою старую рубашку и приспособила для меня ещё одну дедушкину рубашку. Фахри-бабай сплёл мне новые лапти.

В хмурый осенний день я простился с добрыми стариками. Сами бедняки, они поделились со мной всем, что имели: положили в котомку хлеба на неделю, кулёчек пшена, немного чая и пять кусочков сахара.

Проводили меня тепло, как родного сына.

Первый раз я покидал деревню, где родился и вырос. По дороге я то и дело оглядывался, стараясь запомнить каждый дом, каждую выбоину на дороге. Здесь жили мои отец и мать, это была моя родная деревня, мне было тяжело расставаться с ней.

С неба лениво падали первые редкие снежинки. Чтобы согреться, я шёл быстро, почти бежал.

Идти надо было вёрст десять, к вечеру я добрался до места.

Маленькие домики возле мечети были отведены под медресе. Тут жили и учились шакирды.

Я зашёл в один из домиков и робко остановился на пороге. Ребят было очень мало, должно быть, съехались ещё не все ученики.

И сразу же меня, новичка, окружили мальчики. Им было любопытно: откуда я, кто меня привёл?

Один нарядный мальчик с издёвкой оглядел мою бедную одежду, мои запачканные землёю лапти:

— Ты, видно, пришёл пешком?

Там был и взрослый мужчина. Он спросил:

— Ты хочешь учиться? Тогда подожди здесь, пока не придёт мулла.

И указал мне место в углу. Здесь я должен был дожидаться муллу, который решит, могу ли я быть шакирдом.

После вечерней молитвы — намаза пришёл мулла. Он стал расспрашивать: чей я сын, живы ли мои родители?

Узнав, что я круглый сирота, мулла задумчиво погладил свою длинную бороду:

— Я разрешаю тебе остаться. Жить будешь здесь.

Где мне жить, я не понял, но расспрашивать не посмел.

Я быстро подружился с мальчиком по имени Вахит. Он, как и я, был круглым сиротою. Летом батрачил у одного крестьянина, а осенью голодным оборванцем пришёл в медресе.

От Вахита я узнал, что сиротам и детям бедняков в медресе нет определённого места, они спят где попало.

В углу за печкой нас собралась целая сиротская семья: Вахит, Салим и я. Салим жил здесь уже два года, батрачил на муллу: летом пас скот, осенью и зимой услуживал на дому.

Мы спали на полу, сбившись в клубок, как котята.

Когда собрались все шакирды, в медресе стало так тесно, что ночью не пройти, на кого-нибудь наступишь, все свободные места на полу были заняты.

Но рядом с нами жили в медресе и другие мальчики. Мы с завистью смотрели, как они спят на мягком войлоке, постланном на низеньких нарах, сидят на ковриках у окна.

Мы были бедняки, они — дети зажиточных родителей.

И в учении мы тоже были им не ровня. Настоящей наукой в медресе и не пахло. Мулла и его помощники — хальфы учили по религиозным книгам. Классов, как в теперешней школе, тоже не было. Шакирдов собирали в группы по развитию, по знаниям, и, главное, по достатку. И получалось, что в одной группе дети богатых, а в другой мы — голь.

К детям богатых мулла и хальфы были внимательны, надеясь, что родители поднесут им подарки или пригласят в гости и угостят.

От нас с Вахитом ни мулле, ни хальфам ждать было нечего. Поэтому никто не интересовался нашей успеваемостью. Хальфа смотрел на нас холодно и недоброжелательно. С богатыми шакирдами он занимался каждый день, нам с Вахитом давал уроки три раза в неделю.

Каждый пустяк его раздражал. Помедлишь с ответом — получишь пощёчину. И мы терпели, сносили всё безропотно, ведь идти нам, сиротам, было некуда.

Салима мы вообще никогда не видели за книгой. Никому не было дела, учится он или нет. Он только числился шакирдом, чтоб иметь возможность ночевать в медресе, а целый день работал в доме у муллы.

Но зато у муллы он кормился. А где раздобыть еду Вахиту и мне? Продуктов, которые мне дали добрые старики, хватило на неделю.

И, по примеру Вахита, я нанялся к богатым шакирдам. Я был мальчик на побегушках, который обязан делать всё, что прикажут. Я носил воду для умывания, варил обед, кипятил чай. Денег мне за это не платили, но я мог доедать объедки, допивать остывший чай.

Мы с Вахитом прекрасно понимали, что, если богатые шакирды будут нами недовольны и откажутся от наших услуг, нам не прожить. Поэтому мы старались изо всех сил, вставали задолго до восхода солнца, чтобы успеть до утренней молитвы сбегать за водой и поставить самовар.

Но случалось, мы не успевали. Тут приходилось выбирать: пойдёшь молиться — не поставишь самовар для тех,

к кому нанялся, не пойдёшь на молитву — дежурный запишет тебя в список. И получается: кому чай, а кому розги.

Я расскажу об одном из таких дней.

Вернувшись из мечети, наставник позвал дежурного:

— Кто сегодня пропустил намаз?

Дежурный услужливо подал список:

1. Басир.
2. Гали.
3. Вахит.

Наставник посадил нас перед собой, и начался допрос:

— Басир! Ты почему пропустил намаз?

Басир весь трясётся от страха.

— Я не мог, у меня болела голова.

Басир хитрит. Он придумал про головную боль. Но казый не придирается к нему.

— А тебя почему не было в мечети на утренней молитве, Гали?

Я не Басир, я не умею врать.

— Я... я ставил самовар...

Тишина. А затем возмущённый голос наставника :

— Нечестивец! Ты забыл о боге ради самовара?!

Разве я могу сказать, что меня кормит не бог, а самовар?

— Ты будешь наказан. Ложись!

Я покорно ложусь на живот.

— Снимай чекмень!

Снимаю чекмень и, оставшись в одной рубашке, снова ложусь.

Краем глаза я поглядываю на Вахита. Может, ему повезёт, о нём забудут?

Но нет, не забыли.

— А ты чего бельма выкатил? Почему пропустил намаз? Может быть, тоже ставил самовар?

— Ставил! — честно признаётся Вахит.

И вот мой друг, тоже в одной рубашке, ложится на пол рядом со мной.

А вокруг толпятся богатые шакирды. Им ничего не угрожает. Они были на молитве, а теперь будут пить чай,

который мы им приготовили. А сейчас им очень интересно посмотреть, как нас будут пороть.

Из связки ивовых прутьев наставник выбирает самый длинный гибкий прут. Такой прут бьёт очень больно.

Я чувствую это своей голой спиной, которую обжигает первый удар.

— Будешь ещё пропускать намаз!

— Не буду! Не буду!!

Второй удар. Гибкий ивовый прут обвивает тело. От боли слёзы выступают на глазах. Руки невольно тянутся к спине.

— Убрать руки!

Третий удар. Очень больно, но мы вздыхаем с облегчением потому, что знаем, третий удар — последний.

Но мы ещё должны выслушать напутствие:

— Идите! И больше не смейте пропускать намаз!

Мы с Вахитом поднимаемся с пола. Одной рукой я поглаживаю спину, другой вытираю слёзы. Вахит тоже плачет от боли и обиды.

— Да они полосатые! — слышится позади чей-то смех.

Это правда. Уйдя в свой угол за печку, мы с Вахитом осматриваем наши спины. На них багровые полосы от ударов ивовым прутом.

Мы не знаем, как отвечать на насмешки богатых шакирдов, и сидим молча, дожидаясь, пока не утихнет боль.

Боль понемногу проходит, но не проходит обида.

— Багир соврал, — говорит Вахит, — прикинулся больным. Голова у него не болела. Ты знаешь, почему его не пороли?

— Знаю! — отвечаю я. — Потому что у Басира отец богатый, а мы с тобой сироты и бедняки.

И потом нам часто приходилось пропускать намаз и ходить с исполосованными спинами, но зато самовар бывал поставлен вовремя.

Долго-долго тянулась первая школьная зима. Большая часть времени у нас уходила на обслугу богатых шакирдов, занимались мы с Вахитом мало, но арабскую грамматику всё же осилили.

Весной занятия в медресе кончились. Шакирды разъеха-

лись по домам. Только мы, сироты, как заблудившиеся утята, топтались на одном месте.

Что толку из того, что мы выучили арабскую грамматику? У нас была одна дорога — в батраки.

Надо было заработать на хлеб и на одежду. От моего чекменя остались одни лохмотья. Рубашка так вылиняла, что не поймёшь, какого цвета на ней заплатки, и от ветхости расползалась на плечах.

И мы — три товарища — разошлись в разные стороны.

Салим, как и в прошлом году, пошёл батрачить к мулле.

Вахита взял в подпаски местный пастух.

А я за пять пудов ржи и пять рублей деньгами нанялся на всё лето к богатому старику Шакир-баю, который жил напротив мечети.

Теперь у школьников есть летние каникулы, когда они могут отдохнуть. Но какие каникулы у батрака? Всё лето я работал наравне со взрослыми работниками Шакир-бая: пахал, полол, жал, возил снопы, скирдовал солому, молотил.

Руки мои загрубели, лицо почернело от ветра и солнца.

Я потерял своё имя. Никто не называл меня: Гали. В деревне, где я работал, за мной укрепилась кличка: «батрак Шакир-бая».

Эта кличка осталась за мной и осенью, когда я вернулся в медресе.

Прошёл год, с тех пор как я покинул родную деревню, трудный, безрадостный год. И я знал, что таким же будет и второй, и третий, и четвёртый — все последующие годы.

Горьким было моё детство, и не только потому, что я остался круглым сиротой. В прежние времена в нужде и унижении жили все дети рабочих и крестьян-бедняков.

Вот почему я и сказал: теперь легко, а раньше было трудно...

Так закончил рассказ о своём детстве Гали-агай.

1927 г.

АКТЫРНАК

КРАСНАЯ КОРОВА

Красная корова, которая обычно каждое утро вместе со всем стадом отправлялась на пастбище, сегодня осталась в хлеву. Она тоскливо мычала.

Актырнак очень удивилась, увидев её одну, разлучённую с подругами. «Может, бедняжка захворала?» — подумала собака и, желая узнать в чём дело, подошла к ней. Актырнак остановилась перед коровой, дружелюбно виляя хвостом и моргая глазами. Но красная корова, видимо, не поняла, что собака подошла к ней с добрыми намерениями. Она сердито замычала, тут же нагнула голову и собралась отшвырнуть собаку прочь своими острыми рогами. И если бы Актырнак

не успела проворно отскочить в сторону, красная корова вспорола бы ей брюхо.

«Эх ты,— недовольно проворчала Актырнак,— тебе добра желают, а ты, оказывается, не понимаешь».

Как только собака улеглась возле амбара, её обступили щенки. Маленькие несмышлёныши начали резвиться, играть и кувыркаться подле матери. Их беззаботная и весёлая игра постепенно успокоила Актырнак, и настроение её улучшилось. А вскоре она и вовсе забыла неприятный эпизод с коровой и, наблюдая за щенятами, погрузилась в сладкие думы.

Вдоволь наигравшись, малыши принялись сосать материнское молоко.

Из дома вышел Насир-агай, хозяин. В левой руке он держал довольно длинную верёвку, с палец толщиной, а в правой — блестящий острый нож. Вслед за Насиром появилась с кувшином-кумганом и большой деревянной чашей в руках хозяйка, Хасби-енге.

Они направились к хлеву. Актырнак побежала вслед за хозяевами. Она так поспешно вскочила, что щенята не сразу заметили это — так и остались лежать на земле.

Хозяева вошли в хлев. Увидев, что люди идут к ней, красная корова жалобно замычала. Но когда заметила что́ у них в руках, опасливо попятилась...

...Актырнак и раньше доводилось видеть, как режут скот, поэтому и сейчас она мигом всё поняла.

Пока Насир-агай и Хасби-енге свежевали корову, разделывали тушу и спускали мясо в погреб, собака крутилась вокруг. Получила несколько пинков, но и досыта наелась всяких отбросов. На запах мяса прибежал соседский пёс Акбай, и Актырнак даже поцапалась с ним.

Немного времени спустя из открытых окон дома потянулся и растёкся по всему двору вкусный запах. И без того хорошее настроение Актырнак стало ещё лучше.

«Сама я сыта. Скоро и щенята мои полакомятся остатками вкусной еды...» — такие мысли постепенно убаюкали собаку. Она закрыла глаза и сладко заснула.

Крошечные щенята, насосавшись молока, снова начали играть друг с другом...

АКТЫРНАК ХОЧЕТ ОТПРАВИТЬСЯ В ГОРОД

В доме шёл разговор о поездке в город, о продаже мяса, жира и шкуры красной коровы. Говорили и о всяких покупках на вырученные деньги.

— Мать,— обратился Насир-агай к жене.— А не взять ли мне с собой в город и Ахмета? Хлопот будет много. Пока я буду заниматься делами, он и за лошадью приглядит, и вещи посторожит.

— И верно, возьми с собой Ахмета,— отвечала Хасби-енге. — Только постарайтесь ничего не потерять. А заночуете в дороге — хорошенько присмотрите за мясом, накройте его: как бы собаки не тронули, не испоганили.

Услышав эти слова, Актырнак вдруг подумала: «А почему бы и мне не отправиться с ними в город? Чем всё время опасаться, как бы мясо не съели чужие собаки, лучше я сама стану стеречь его. Да заодно и город этот самый повидаю. Ведь все, кто там ни побывает, хвалят, нахваливают его. Вот и я прогуляюсь, новые места, чужие края погляжу. А пока я буду в городе, с малышами моими ничего не случится. Уж несколько-то дней проживут без материнского молока. Всё равно скоро придётся отучать их. Вот они постепенно и привыкнут к самостоятельной жизни...»

Вспомнив о своих щенятах, собака решила в последний раз досыта накормить их и залезла под амбар, где её давно уже дожидались детёныши.

Ахмет очень обрадовался, узнав, что и он поедет в город. И пока кормили овсом лошадь, пока смазывали дёгтем колёса телеги-арбы, мальчик всё думал о предстоящей поездке. О том, что наконец-то он увидит город, о том, что там, если повезёт, ему купят книги, тетради, карандаши.

Насир-агай набросал в арбу сена, а сверху расстелил попону.

На крыльце появилась Хасби-енге.

— Ну, кончили вы свои приготовления? Обед готов...

Хозяйка позвала мужа и сына обедать. И голос её заставил Актырнак встрепенуться. «Раз я еду в город, надо и мне ещё чего-нибудь поесть, а то дорога дальняя, сил

не хватит»,— подумала собака и подошла к дому поближе. Села напротив окна и уставилась в него.

И когда Насир-агай с Ахметом, кончив свои дела во дворе, пошли домой, Актырнак, как бы желая высказать своё намерение ехать с ними, завиляла хвостом и проводила их преданным взглядом.

АКТЫРНАК ОТПРАВИЛАСЬ В ГОРОД

Пока доставали из погреба и укладывали в арбу мясо и жир, Актырнак успела обглодать все кости, выброшенные из окна, и ещё раз покормить щенят. Теперь она крутилась подле арбы.

— И что она тут путается под ногами? Только мешает,— рассердился Насир-агай и пнул собаку ногой.

Однако Актырнак не отошла от хозяев. Когда же отец с сыном, забравшись на арбу, выехали со двора, собака подбежала к щенятам и, как бы прощаясь с ними, обнюхала их. Потом стремглав бросилась за хозяевами.

Насир-агай увидел, что собака бежит за ними, остановил лошадь и крикнул жене, стоявшей у ворот:

— Отзови-ка собаку! Нечего ей за нами бежать!

Услышав голос хозяйки, Актырнак лишь обернулась и затем снова побежала вперёд.

Насир-агай понял, что просто так собака не послушается, и потому, сойдя с арбы, принялся размахивать кнутом — отгонять Актырнак. Та немного отстала, но, как только хозяин уселся на место и тронул лошадь, быстро перебежала на другую сторону улицы и продолжала следовать за хозяевами.

Убедившись в том, что Актырнак всё равно не отстанет, Насир-агай махнул рукой:

— Ладно уж, пусть бежит, раз увязалась.

Погоняя лошадь, они выехали из деревни. Видя, что теперь никто ей не препятствует, Актырнак почувствовала себя вольготней. Она бежала то по одной стороне дороги, то по другой, обнюхивала всё подряд. Ныряла в высокую

рожь, а порой забегала далеко вперёд и там ожидала хозяев. Дождавшись, подходила а арбе и, виляя хвостом, глядела на Ахмета, словно хотела сказать: «Видишь, и я еду с вами в город. Как здорово, оказывается, бежать по полю». Она немного шла рядом с арбой, а потом снова исчезала.

Дорога в город нравилась и Ахмету. Езда по таким невиданным до сих пор местам была ему по душе. Настроение у него было приподнятое и потому, что он любовался красотами окружающей природы, и потому, что ему предстояло увидеть в городе то, чего нет в деревне.

Насир-агай уже ездил этим путём и много раз бывал в городе. Поэтому он думал лишь о том, как продаст мясо, жир, шкуру красной коровы, как накупит всё, что наметил, и о том, как станет пахать новым плугом...

Так и продвигались они вперёд, каждый думая о своём.

НЕЖДАННАЯ НЕПРИЯТНОСТЬ... НЕГАДАННАЯ КРАСОТА...

Дорога пересекла поле, потом несколько речек с глубокими впадинами и подошла к деревне. Как только путники въехали на околицу, навстречу им выбежал с лаем большой чёрный пёс. Увидев Актырнак, он, не помня себя, набросился на неё. Почувствовав, что дело плохо, Актырнак поспешно подбежала к арбе. На яростный лай чёрного пса отовсюду высыпало множество лающих собак. В течение нескольких минут они со всех строн обступили арбу.

Вслед за собаками прибежали какие-то озорные мальчишки и принялись науськивать их на Актырнак. Та с перепугу поджала хвост, оскалила пасть и заползла под арбу.

Собаки и вовсе взбесились, когда Насир-агай остановил лошадь и принялся кнутом отгонять свору. Того и гляди — набросятся на человека! Часть своры забежала вперёд и лаяла на лошадь. Другие собаки норовили залезть под арбу.

Один из псов изловчился, цапнул Актырнак за заднюю лапу и выволок её из укрытия. Актырнак оказалась в кольце десятка собак. Сначала она пыталась защищаться и даже

сама набросилась на нескольких врагов, но не выдержала натиска и скоро очутилась под их ногами. Собаки принялись нещадно истязать её. Те, которым доставалось плёткой по хребту, с визгом удирали, а остальные продолжали атаку.

Ахмет сидел на арбе. Ему было очень жаль Актырнак, но слезть он боялся. Он злился на мальчишек, которые ни с того ни с сего науськали свору на Актырнак, да ещё и веселились.

И вдруг из ворот ближнего двора выбежал ещё один мальчик с длинной палкой в руках.

— Акбай, Дурткуз, Кускар! — сердитым голосом позвал он собак и принялся охаживать их палкой.

И вот кнут с одной стороны, палка — с другой постепенно уняли пыл собачьей своры, и собаки одна за другой стали удирать. Тогда Актырнак воодушевилась: даже пустилась вслед за ними в погоню и цапнула за лапу одну из оставшихся собак. Собаки попрятались по дворам, и каждая стала лаять из-под своих ворот, изливая остатки ярости. Некоторые из них, словно завершили какое-то важное дело, царапали когтями землю.

Когда враги окончательно разбежались, Актырнак зализала взъерошенную шерсть, встряхнулась и, задрав хвост, подбежала к арбе. И, будто выражая свою радость, что осталась живой после такой большой драки, глянула на Ахмета и вильнула хвостом.

Когда арба тронулась, тот парнишка, который палкой разогнал свору, сердито сказал озорным мальчишкам:

— Зачем вы собак натравили? А если на кого-нибудь из вас накинется сразу десять — пятнадцать человек, хорошо ли будет?

Ахмет мысленно поблагодарил этого мальчишку.

Собаки на другом конце деревни уже изготовились к нападению и ожидали своей очереди. Но когда увидели, что свора разбежалась, притихли и осмелились лишь тявкать из-под ворот.

Эта неожиданная неприятность подпортила настроение Актырнак, но как только выехали из деревни, она снова взбодрилась. А когда же шумно напилась воды из речки

неподалёку от деревни, то и вовсе оправилась. Она уже забыла о пережитом и снова принялась перебегать с одной стороны дороги на другую.

Теперь путь их лежал вдоль небольшой речушки.

Справа тянулось большое пшеничное поле, а по левому берегу шли мелкие полоски проса, пшеницы, гречихи и овса.

Насир-агай пустил лошадь своим ходом, а сам слез на землю и сорвал несколько колосьев пшеницы.

— Видишь, сынок,— сказал он Ахмету, снова забираясь на арбу,— какая справная пшеница. Все колоски одинаковые, ровные и сидят себе рядком, как их засеяли. Им уж никакая засуха не страшна. А на той стороне всходы совсем плохие. Там на одном поле посеяли, как и у нас в деревне, разные культуры. Поэтому и выглядят они такими жалкими, как будто давно дождя не видели. Вот ведь какая разница.

Ахмет, выслушав слова отца, показал на ровно поднявшееся пшеничное поле:

— Как же это посеяли такими ровными рядами и почему пшеница выросла такой сильной?

Отец ответил:

— Это пшеничное поле засеяно жителями новой деревни «Алга»[1]. Года три тому назад они отделились от деревни Карамали и переехали на новое место. Они организовали колхоз и совместно обрабатывают землю. Для каждой посевной культуры они отвели часть земли, не то что у нас... Вся земля у них общая, они не делят её «на душу». Вместе её засевают, а когда зерно поспевает, его убирают машинами, молотят все вместе. Перед посевом зерно очищают тоже машинами. Землю пашут тракторами и сеют сеялками. И ещё хорошенько удобряют землю навозом. Вот почему и хлеб у них растёт ровный, и урожай хороший. Если даже и выпадет засушливое лето, этим посевам не страшно.

Ахмет понял, почему на этих полях всходы были разными. О колхозе, об обработке земли машинами рассказывал в школе учитель.

— Почему же тогда наши деревни не создадут колхоза

[1] Алга́ — вперёд.

и не работают вместе? — спросил сын у отца.

Отец будто ждал этого вопроса.

— Давно пора. Да в нашей деревне нашлись такие, которые сопротивляются этому делу. Но теперь мы не станем с ними считаться, объединимся дворов пятнадцать — двадцать, переедем на новое место и создадим свой колхоз. Третьего дня как раз об этом был разговор.

И только Ахмет хотел спросить: «Кто же те, кому колхоз не нравится?» — как его отвлёк какой-то звук. Тир-тир-тир — тарахтело что-то беспрестанно.

Ахмет глянул вперёд и увидел нечто похожее на возок. Он медленно взбирался на прибрежный холм.

О тракторе Ахмет слыхать-то слыхал, но видом не видал. Поэтому теперь, когда он увидел трактор, у него ёкнуло сердце.

— Вон видишь,— снова заговорил отец,— это и есть трактор. Колхоз «Алга» уже зябь поднимает.

Ахмет не сводил глаз с трактора.

Когда они подъехали ближе, Насир-агай остановил лошадь и стал ждать, когда трактор повернёт к дороге. Однако тот ушёл очень далеко и вскоре стал едва заметен.

Ахмет удивлённо взглянул на отца:

— Видать, борозды у них очень длинные...

Насир-агай объяснил:

— Они же не делят поле на полдесятины или на четверть, а вспахивают сразу несколько десятин.

— Смотри, как они пашут-то! Как ровно да и глубоко как!

Пока они говорили, трактор дошёл до конца поля и повернул обратно. Глубоко вспахивая землю, он постепенно приближался к ним. И чем ближе он становился, тем увлечённее смотрел на него Ахмет. Он даже не заметил, как подбежала Актырнак и, виляя хвостом, потёрлась о его ноги.

Опасаясь, что лошадь испугается трактора, Насир-агай отвёл её в сторонку и привязал к дереву.

Молодой парень, сидевший на тракторе, что-то в нём повернул, и трактор остановился.

Насир-агай с Ахметом подошли к нему.

Черноглазый тракторист был в добротных сапогах, кепке, подвязан промасленным фартуком. Вот он спрыгнул с трак-

тора, сдвинул очки на лоб и, поздоровавшись с путниками, вынул из какого-то ящика посуду с маслом и принялся смазывать разные части трактора.

Трактор хоть и остановился, но, как живой, продолжал фыркать и дымить.

Ахмет с интересом наблюдал за трактористом, который так смело и уверенно поворачивал любой винтик или наливал в большие, с чернильницу величиной, отверстия, масло.

А Насир-агай начал расспрашивать парня:

— Сколько же десятин земли в день можно вспахать на этом тракторе?

Тракторист поставил маслёнку на землю и, вытирая руки о фартук, ответил:

— За день свободно вспахиваю три десятины. Если же пахать посменно, то можно и больше. Да сейчас нам не к спеху...

— Три десятины, а? За день три десятины! Так мы совсем выдохнемся, пока эти три десятины вспашем.

— Раньше мы тоже так надрывались. Но с тех пор, как купили трактор, избавились от этих мук.

Пока Насир-агай с трактористом говорили о колхозе, Ахмет рассматривал трактор. Несколько раз обошёл его, потрогал руками.

Мальчик с удивлением уставился на большой и крепкий плуг, прицепленный к трактору. И обыкновенный плуг показался ему рядом с этим просто игрушечным.

Ахмет был в восторге и от трактора, и от умелого парня.

«Вот вырасту и стану трактористом»,— подумал он.

Насир-агай привёл лошадь, и они тронулись в путь.

— Скоро и мы создадим свой колхоз,— проговорил Насир-агай.— Нельзя же всю жизнь копаться в навозе из-за того, что баи и муллы противятся новой жизни... Но-оо, пошла-а! — хлестнул он лошадь.

Вскоре они въехали в деревню.

— Вот это и есть колхоз «Алга»,— сказал Насир-агай.

Деревня была хоть и маленькой, но очень красивой. Дома рядком выстроились вдоль реки. Напротив них — несколько

больших амбаров, за которыми начинался колхозный огород. Там женщины, девчонки и мальчишки пололи картошку. Неподалёку от амбаров несколько человек строили дом. Проезжая мимо, Насир-агай поздоровался со строителями, а когда отъехали подальше, сказал сыну:

— Они школу начали строить. Я разговаривал с ними в прошлый раз, когда ездил в город. Они говорили, что детям трудно ходить в школу в соседнюю деревню, особенно зимой. Теперь, мол, пусть у нас будет собственная школа... И очень хорошо они делают. Видал — маленькая деревенька, а объединились, так вперёд пошли...

Ахмету понравились и красивая деревня, и её жители, бодрые и весёлые в работе. И ему очень захотелось, чтобы и у них в деревне создали колхоз.

Через несколько вёрст они добрались до очень красивой реки. Насир-агай свернул с дороги и остановил лошадь под мощным деревом.

— Здесь переночуем,— проговорил он.— И солнце уже садится, и гнедая устала, да и мы проголодались.

Насир-агай начал распрягать лошадь.

— А ты, сынок, возьми-ка чайник и сбегай за водой,— обратился он к Ахмету.— Да набирай лучше на быстрине, там вода почище. Напьёмся чаю.

Захватив чайник, Ахмет направился к реке. Он прошёл между деревьями и остановился на берегу, там, где вода громко журчала и плескалась. Хорошенько прополоскав чайник, Ахмет зачерпнул воды и поставил чайник в сторонке. Засучив рукава, он умылся студёной водой. От её прохлады ему стало совсем хорошо.

Когда сын принёс воду, отец уже распряг лошадь и привязал к стволу д рева, чтобы остыла с дороги, а сам с топором в руках собирал сушняк для костра.

Спустя ещё немного времени они повесили чайник над огнём. Сухой хворост горел ярко, с приятным треском.

Актырнак лежит на траве и с удовольствием наблюдает всё это. Ахмет сидит у костра, подбрасывая в пламя сучья и ветки,— кипятит чай. Насир-агай достаёт кое-что из арбы и готовит место для чаепития.

Чайник не заставил себя долго ждать, вскипел быстро. Заварили чай, расстелили на траве скатерть, расставили на ней еду, захваченную из дому, и чаепитие началось. И чай, и вся снедь показались путникам и вкусней и слаще, чем дома.

И Актырнак кое-что перепало: кусочки хлеба, остатки холодного мяса, косточки всякие. Чай же нисколько не интересовал собаку. Глядя на куски мяса в руках отца и сына, Актырнак ждала, когда ей перепадёт доля этой вкуснотищи. И у неё масляно блестели глаза всякий раз, как люди отправляли в рот кусок за куском. Она думала, наклонив голову набок: «Эх, если бы и мне когда-нибудь довелось вволю поесть этой вкусноты, вот было бы здорово!»

Вокруг, в чаще деревьев, копошатся какие-то зверьки, колышется листва, птицы перелетают с ветки на ветку. Актырнак хоть и поворачивает голову на этот шум, как бы собираясь ринуться туда, однако боится упустить кусок еды.

За разговором да за вкусным чаем не заметили, что прошло много времени... Когда чай в чайнике остывал, его снова подогревали.

Отец с сыном уже заканчивали чаепитие, когда услышали, как лошадь принялась топтаться на месте и дёргать привязь, словно собиралась уйти. Гнедая будто хотела дать понять людям, что и она проголодалась. Насколько позволяла привязь, гнедая тянулась к нижним ветвям дерева и обрывала губами листья.

Ахмет подошёл к лошади, пощупал холку.

— Может, отпустим её пастись,— обратился он к отцу,— она уже остыла...

Насир-агай неторопливо ответил:

— Пусть ещё чуток постоит. День был жаркий. Ехали долго да по солнцепёку. Нельзя её сразу на свежую травку пускать. Сначала подбросим ей сена.

Ахмет отправился поискать ягод. Вслед за ним поднялась и Актырнак. Походила немного, принюхиваясь, и вдруг пропала.

Неожиданно из-за деревьев что-то стремительно выскочило и опрометью метнулось в противоположную сторону.

Вслед стремглав выбежала Актырнак и кинулась в погоню.

Ахмет сначала было испугался, но, сообразив, что это был заяц, спокойно посмотрел им вслед.

Скоро Актырнак вернулась. Видать, заяц запутал след, и собака его не поймала.

Когда Ахмет возвратился к арбе, то увидел, что отец уже пустил лошадь пастись и снова разжёг костёр, положив в огонь толстые сучья.

Насир-агай убрал посуду и сложил её в арбу, а потом сказал Ахмету:

— Ты ложись, сынок. Завтра тронемся в путь пораньше.

Ахмет настелил сена, сверху бросил рогожку, укрылся с головой своей стёганкой и лёг спать, не разуваясь. Актырнак лежала под арбой и сверкала оттуда своими глазами.

На деревьях вокруг шумели птицы, лошадь с хрустом жевала сено. Слушая пение птиц и глядя на мерцающие в небе звёзды, Ахмет не заметил, как сладко заснул. Он не слышал, как ночью чем-то встревоженная Актырнак несколько раз отрывисто тявкала, не чувствовал, как на лицо ему с писком садились комары и кусали его...

ПОКАЗАЛСЯ ГОРОД

Наутро Ахмета разбудил голос отца:

— Вставай, сынок. Ехать надо...

Забрезжил рассвет, на горизонте посветлело. Запели птицы. Отец смазал колёса и начал запрягать лошадь. Актырнак неподалёку вынюхивала чью-то нору.

Накинув на плечи стёганку, Ахмет быстренько сбегал к реке, умылся. Гнедую запрягли. Подошло время трогаться. Они ещё раз осмотрели всё вокруг арбы: не забыли ли чего. Убедившись, что ничего не оставили, путники выехали на дорогу и двинулись к городу.

Уже и солнце показалось, когда они проехали реку, пересекли поле и поднялись в гору. С этого возвышенного места хорошо просматривались высокие, большие городские дома, сиявшие под лучами восходящего солнца.

— Вон, сынок, уж и город виднеется. Через часок доберёмся,— сказал Насир-агай и подхлестнул лошадь.

Даже издали город показался Ахмету очень красивым и большим. Его поразило и множество домов, даже на расстоянии таких огромных, и высокие дымящиеся трубы, и церкви, и минареты мечетей.

Актырнак, наверное, ещё не видела города: она как ни в чём не бывало то пропадает между деревьями, то возвращается и осматривается, вынюхивая что-то.

Чем ближе к городу, тем больше попадалось им людей, и едущих в город, и возвращающихся оттуда. Путников стало ещё больше, когда они выехали на широкую дорогу, посыпанную песком и с канавами по обочинам.

Недалеко от этой дороги, по высокой ровной насыпи, оставляя за собой густые клубы дыма, двигалось что-то большое, чёрное, таща за собой много домиков, каждый с маленькую деревенскую избу. Двигалось оно очень быстро, гулко стучали сотни его колёс. То, что тянуло домики, непрерывно фыркало: гап-уф, гап-уф. Ахмет глядел во все глаза. Вот прямо из хребта этого чёрного начал выходить густой белый пар, и тут же громкий звук огласил окрестности.

Зимой в школе учитель много рассказывал ребятам о паровозе, вагонах, которые ходят по железной дороге, и Ахмет не раз видел их на картинках в учебнике и немного читал о них. Поэтому Ахмет сразу понял, что нечто чёрное, которое громко фыркает и тянет за собой много домиков-вагонов,— паровоз, а ровная высокая насыпь, по которой он движется, это железная дорога. Но чтобы убедится в этом, он всё-таки спросил у отца:

— Атай, что это там так быстро бежит?

— А это и есть железная дорога,— отвечал Насир-агай.

И он рассказал сыну о том, как он несколько недель ехал на германский фронт и возвращался оттуда поездом по железной дороге, о том, что паровоз обгоняет даже самого быстроногого скакуна, что один паровоз может перевезти несколько тысяч пудов груза, сотни людей.

Тем временем паровоз и вагоны уже прошли несколько вёрст и скрылись за горой.

Вот и большая река Волга. Она течёт возле самого города. А какой огромный мост через неё!

Ахмета поразили и красота моста, и его длина и ширина. По мосту могли ехать рядом сразу несколько телег.

Вдруг мальчик услышал протяжный, как у паровоза, но гораздо более низкий гудок и повернулся в ту сторону. Ахмет увидел, что вдоль берега, вспенивая воду, плывёт по Волге что-то белое, двухэтажное, со множеством окон и очень толстой трубой на крыше.

Хоть Ахмет и сообразил, что это пароход, но вдруг растерялся и неожиданно спросил у отца:

— Атай, а что это там плывёт такое большое?

— Это, сынок, пароход. Он возит по воде людей и всякие грузы,— сказал отец.

Разглядывая все эти диковинки, Ахмет совсем забыл про Актырнак. Теперь он вдруг вспомнил о ней и осмотрелся, не отстала ли собака. Но Актырнак не отстала. Высунув язык, она шла по мосту рядом с арбой. Успокоившись, что Актырнак здесь, Ахмет снова принялся рассматривать пароход. А пароход, видно, устал от долгого пути и теперь остановился, выпуская из трубы редкий дымок. По верхней его палубе разгуливало множество людей.

В какой-то момент Ахмет глянул вниз и увидел ещё один ажурный мост на толстых белых столбах-сваях. Ахмета не столько поразила красота и длина моста, сколько толщина его опор и ширина пролётов между ними. Пока Ахмет любовался мостом, на конце моста показался паровоз со множеством вагонов. «Едем-едем-едем» — будто выстукивали колёса. Мальчик понял, что этот мост железнодорожный.

Актырнак теперь шла только рядом с арбой, словно понимала, что ей не следует далеко отходить. Она поглядывала на Ахмета с таким видом, будто говорила: «Вот мы и добрались до города!»

— Надо бы лошадь напоить,— сказал Насир-агай, когда они проехали мост.— Думаю, никакого вреда не будет гнедой, если, напоив её, сразу же тронемся дальше.

Он повёл лошадь к реке. Сняв с неё чересседельник,

заставил гнедую напиться. Здесь ему повстречался знакомый мужик.

— Почём нынче пуд мяса? — спросил Насир-агай.

— Да если хорошее, то цена до восьми — десяти рублей доходит,— отвечал мужик.

И вот они уже потихоньку въехали на городскую улицу.

ГОРОД ОКАЗАЛСЯ ЕЩЁ КРАШЕ...

Ахмет сразу заметил, что, несмотря на раннее утро, народу на улице много. Мальчику даже показалось, что и лошадь их, и арба словно стали меньше.

Он с удивлением смотрел на высокие дома, выстроившиеся по обе стороны улицы. Из-за шума и грохота телег на булыжной мостовой Ахмет не слышал, что ему говорил отец.

Вдруг навстречу им с громким хриплым рёвом выскочила какая-то штуковина и быстро проехала мимо. Она была доверху нагружена множеством каких-то ящиков, а впереди сидели два человека. Один из них крутил что-то похожее на колесо от маленькой арбы.

Встретившись с этой «самоходкой», лошадь рванулась в сторону и чуть не опрокинула арбу. Испугалась и Актырнак, она тут же спряталась под арбу.

Ахмет догадался, что эта самоходная арба — автомобиль, о котором тоже написано в школьных учебниках.

Вслед за первым показался второй автомобиль. Он был блестящим и ехал очень быстро. Он вмиг проскочил мимо и исчез за углом.

Вдруг сзади послышалось: ту-ту-тут. Ахмет обернулся. Человек сидел, немного наклонившись вперёд на двухколёсной арбе. Ноги его свешивались по обе стороны «арбы» и упирались носками в нечто напоминавшее стремя. Эта «арба» тоже быстро проскочила мимо. Ахмет подивился, как это при такой скорости да на двух колёсах человек не падает.

На домах было много разных вывесок, написанных крупными буквами. Мальчик читал их, но не всё понял. Увлечённо

разглядывая всё вокруг, Ахмет даже не заметил, по скольким улицам они проехали.

Поначалу, как только въехали в город, Актырнак оробела, но постепенно привыкла и стала несмело подходить к обочине мостовой и через открытые ворота заглядывать внутрь дворов. Возле одного дома Актырнак увидела большую собаку и испугалась. На морде собаки было надето что-

то похожее на уздечку, а на шее блестела огромная монета.

Заметив Актырнак, собака в несколько прыжков оказалась возле неё. Актырнак остолбенела от страха, а собака, не выказывая особой враждебности, обнюхала Актырнак, как бы здороваясь с ней, и тут же вернулась обратно.

Актырнак обрадовалась такому гостеприимству и с удивлением подумала: «В городе и собаки толковые, оказывается. Гляди, какие хорошие: поздоровалась и отошла. А в деревне сразу набросились бы на тебя».

Актырнак не интересовали ни большие дома, ни разные автомобили, то и дело шмыгавшие мимо. Её волновали всякие вкусные запахи, что неслись из подворотен. «Наверное, в этих дворах очень много костей. Может, забежать в один и полакомиться»,— подумала Актырнак, но не решилась этого сделать, потому что боялась отстать от хозяев и заблудиться.

Пока ехали по длинным улицам и добрались до базара, Актырнак повстречала ещё несколько собак различных пород и разного роста-возраста. Теперь уж она без боязни обнюхивалась с ними, уверившись, что городские собаки её не тронут.

ВОТ, ОКАЗЫВАЕТСЯ, КАКОВ ГОРОДСКОЙ БАЗАР

Ахмет привык видеть небольшие деревенские базарчики и кооперативные лавки. А этот городской базар с большими магазинами вокруг и разнообразными яркими товарами в витринах показался ему необычайно удивительным. Как это люди здесь не заблудятся, не теряются, не сталкиваются друг с другом, дивился Ахмет.

Въехав на базар, они долго колесили по нему, пока наконец не остановились неподалёку от небольших мясных лавок.

Здесь было много народу, а приехавших из деревень с мясом, жиром и шкурами, и не счесть.

Насир-агай распряг лошадь. Затем подтянул оглобли одну к другой, связал их вместе и поднял кверху.

Ахмет слез с арбы, размял затёкшие в долгой дороге ноги и огляделся вокруг.

Актырнак приласкалась к нему, словно давая понять, что вот, мол, и она приехала на городской базар. Она завиляла хвостом и шмыгнула под арбу.

Не успели они расположиться, как к ним уже подошли люди и с ходу начали торговаться.

Насир-агай назвал свою цену.

Поспорили, поторговались со многими и сошлись наконец в цене на шкуру красной коровы. Расплатившись с Насиром-агаем, покупатель уволок шкуру с собой.

Вскоре были распроданы и мясо и жир.

Теперь оставалось купить все те товары, список которых составили ещё дома.

Насир-агай разложил выручку на арбе, пересчитал деньги вместе с Ахметом и спрятал в карман. Потом задал гнедой сена, куда-то сходил и скоро принёс Ахмету хорошо пропечённый белый-пребелый калач.

— Залезай-ка, сынок, на арбу и ешь калач. Да смотри никуда не отходи, как бы лошадь не увели. Сейчас я пока один схожу за покупками, а потом мы вместе купим тебе сапоги и сходим на склад за плугом.

Ахмет с аппетитом принялся за городской калач. Ест и в то же время наблюдает за всем происходящим вокруг. И не перестаёт удивляться городским диковинкам и множеству людей.

Пока Насир-агай был занят торговлей, а мальчик внимательно наблюдал за всем, им обоим было не до Актырнак. Ахмет вспомнил о собаке лишь через некоторое время после ухода отца.

Заглянул под арбу — там её не было. «Куда же она подевалась?» — встревожился мальчик, а потом подумал, что, наверное, Актырнак увязалась за отцом. И тогда он снова принялся за вкусный калач.

АКТЫРНАК ОТПРАВИЛАСЬ НА ПРОГУЛКУ

Чуткий нос Актырнак сразу учуял запах мяса и сала, которыми был наполнен базар. Её острый взгляд тут же приметил всё съедобное. И потому, как только хозяин распряг лошадь и начал торговаться с покупателями, Актырнак отправилась бродить меж арбами, выискивая, что бы поесть. Она и не заметила, как очутилась в мясных рядах.

Её поразило изобилие городского базара. Актырнак схватила и мигом проглотила кусок мяса, брошенный торговцем. Затем попалась косточка, которую Актырнак с удовольствием обглодала. В другом месте она полакомилась требухой. Насытившись, Актырнак очень взбодрилась. Она совсем позабыла и про Насир-агая и про Ахмета и продолжала прогулку.

В мясных рядах бродило ещё несколько собак. Они тоже кормились разными отбросами, порой огрызаясь друг на друга.

Здешняя жизнь показалась Актырнак интересной и привлекательной. И в тот самый момент, когда Ахмет, уминая белый калач, вспомнил о ней, Актырнак вместе с другими собаками бродила по базару и подумывала о том, чтоб и самой стать городской...

АКТЫРНАК ПОЙМАЛИ

Актырнак наблюдала, как мясник рубил мясо. Вдруг она заметила, что шнырявшие вокруг собаки начали беспокойно озираться и вдруг все разом пустились наутёк. Актырнак не придала никакого значения такому необычному поведению. «Небось у них свои какие-то дела, вот они и ушли. Ну и пусть. Мне тут без них вольготнее будет. Пока они там где-то бегают, я здесь одна полакомлюсь». И Актырнак не сводила глаз с мяса на прилавке.

И вот в то время, как Актырнак беззаботно так стояла, сзади на неё навалилось что-то тяжёлое и тут же схватило за глотку. Актырнак перепугалась, рванулась в сторону, пытаясь удрать, но ей не удалось вырваться. Её насильно

повалили на спину и поволокли по земле. Актырнак вскочила на ноги и попыталась освободиться от петли. Она упёрлась в землю передними лапами, дёрнулась назад, однако не смогла противостоять неведомой силе, волочившей её.

И тогда Актырнак увидела, что конец верёвочной петли, которая сдавила её шею, тянет громадный человек с чёрным лицом и в рваной одежде. Актырнак почуяла, что дело плохо, она начала подпрыгивать, извиваться, скулить и выть.

Чёрный человек, не обращая внимания на визг, волочил её за собой.

Актырнак не слышала, как ей сочувствовали.

— Эх ты, бедняжка! Не смогла убежать вовремя, вот и попалась! — говорили люди.

Собака упиралась, ложилась на землю — сопротивлялась изо всех сил, не хотела идти, но всё напрасно. Вскоре она обессилела и захрипела, петля сдавила ей горло. Глаза её налились кровью, и все предметы вокруг неё расплылись, задрожали. Из последних сил Актырнак рванулась, стиснула зубами аркан и принялась яростно грызть и трепать его. Однако этот поступок обернулся для неё новой бедой. Громадный человек резко и сильно дёрнул аркан к себе. Актырнак почувствовала, как пасть её наполнилась кровью. Собака отчаянно и жалобно заскулила, поняв наконец, что ей уж не вырваться на свободу.

Наконец человек остановился. Прямо перед Актырнак стояла очень большая арба. А на ней клетка из толстых железных прутьев. В клетке было полно больших и малых собак. Одни из них скулили, другие, пытаясь вырваться из плена, кидались на решётку. Некоторые с мольбой, словно взывая о помощи, смотрели на людей, которые окружили арбу.

При виде клетки, битком набитой собаками, Актырнак испугалась пуще прежнего. Она снова начала дёргать и кусать аркан, и бросаться из стороны в сторону, пытаясь вырваться. Но напрасно. Её ухватили большими железными щипцами и бросили к тем собакам.

И в клетке Актырнак не могла сразу угомониться. И, словно выражая своё несогласие с выпавшей на её долю участью и будто пытаясь кому-то внушить, что в деревне

у неё остались щенята-сосунки, Актырнак протяжно и жалобно завыла. Она обегала все уголки клетки, ища выхода.

Однако все эти попытки Актырнак были безрезультатны. Те собаки, которые попали сюда часа на два, на три раньше, с удивлением смотрели на Актырнак.

Долго она так металась. Но постепенно успокоилась. И, глядя на притихших собак, подумала: «Может, зря я так волнуюсь? Вот ведь эти собаки ведут себя спокойно, хотя тоже заперты. Видно, они что-то знают. Может, нас просто отвезут куда-нибудь на этой арбе да и выпустят там на волю?» Так утешала себя Актырнак. Она зализала окровавленную мордочку и кое-как почистилась.

Собаки, ещё совсем недавно готовые разорвать друг друга из-за бросового крошечного куска мяса, здесь притихли и, словно даже позабыв, что такое ссора и драка, подружились.

Актырнак уже успела немного успокоиться, когда приволокли ещё одну собаку. Этого огромного рыжего пса держали двое мужчин, а он кидался на них, грыз верёвку.

Видя, как сопротивляется пёс, какую силу и отвагу он проявляет, собаки и восхищались и жалели его: «Зря мучается бедняга, всё равно ему не вырваться».

После долгих усилий и этого пса наконец подхватили и водворили в клетку. Однако и там он ещё долго буянил. И даже надоел другим собакам.

ЕЩЁ КОЕ-ЧТО ИНТЕРЕСНОЕ

К тому времени, когда с целой охапкой покупок возвратился Насир-агай, Ахмет уже давно доел калач и ждал отца.

Мальчик обрадовался, увидев в руках отца столько добра, но, заметив, что Актырнак с ним нет, забеспокоился.

— Разве Актырнак не с тобой ушла? — спросил он.

— Нет, сынок,— спокойно отвечал отец, не придавая особого значения словам сына.— Со мной её не было. Да куда она денется? Небось бродит в мясных рядах.

Положив в арбу покупки и накрыв их сверху попоной, Насир-агай добавил:

— Схожу-ка я туда, где мясные лавки, поищу её там. Потом запряжём лошадь и съездим на склад, купим плуг. Да и на постоялый двор заедем, чаю попьём.

Не успел Ахмет помечтать о том, как они потом осмотрят город, а отец уже вернулся.

— Что-то и там её не видно. Неужто домой подалась? В деревню? Да собака такая тварь — не заблудится... А может, здесь где-нибудь она бродит... Давай-ка лучше запряжём гнедую...

Скоро они уже были на складе, полном всяких машин. Жнейки и молотилки Ахмет видел и раньше, но тут были ещё какие-то машины, громоздкие и удивительные. Среди машин ходили какие-то люди. Щупали их, что-то в них подкручивали, обсуждали, какая из них лучше. Насир-агай тоже подошёл к машинам, осмотрел их и, поговорив немного с мужчинами, направился к плугам.

И наряду с другими покупателями он стал выбирать подходящий плуг. Ахмет слез с арбы и подошёл к отцу. Ему сразу понравился плуг, который рассматривал отец.

— Атай, давай возьмём этот,— обратился он к отцу.— И у Ахат-бабая точно такой же. Их плуг очень хороший.

— Не торопись, сынок. Иной плуг с виду кажется красивым, а потом оказывается негодным из-за всяких недостатков,— отвечал ему отец и сам продолжал осматривать один плуг за другим. После тщательного осмотра Насир-агай выбрал один и отставил его в сторонку.

Покрашенный в зелёный цвет, этот плуг казался красивым, как игрушка. Он и Ахмету пришёлся по душе. Они с отцом ещё несколько раз его осмотрели со всех сторон, потрогали все винтики и только после этого окончательно решили брать именно этот плуг. Расплатились и погрузили покупку на арбу.

Миновали несколько улиц и подкатили к большому дому, над воротами которого висела вывеска: «Дом крестьянина».

Ахмет и не помышлял никогда, что они войдут в такой

дом. Всё в нём было интересно мальчику — и комнаты, и разноцветные картины на стенах.

Пока Насир-агай распрягал лошадь, переносил всё своё добро в комнату и они умывались, поспел самовар. Они наскоро напились чаю и снова отправились по городу.

Первым делом они зашли в большой магазин. Там после долгих примерок купили Ахмету сапоги. Новенькие, со скрипом,— мальчику казалось, что сапоги вот-вот вырвутся из рук, поэтому он крепко прижимал их к себе. И, словно боясь, что его догонят и отнимут обновку, Ахмет при выходе даже ускорил шаги.

Выйдя из обувного, они пошли вдоль магазинов, в витринах которых было выставлено много всяких игрушек. Хоть Ахмета и очень заинтересовали пёстрые игрушки, всякие детские ружья, он удержался и ничего не сказал отцу.

Пройдя ещё немного, они подошли к магазину. За стеклом на подоконниках и сбоку на косяках было много разных книг, лежали тетради и разноцветные карандаши. У Ахмета разгорелись глаза. Ему очень захотелось иметь и тетрадь, и карандаши, и хотя бы одну книжку. Он робко и нерешительно высказал отцу своё желание.

Насир-агай не стал возражать, ведь сынишка впервые приехал в город.

— Ну, раз так, давай зайдём...

Они вошли в книжный магазин и остановились в нерешительности. Озираясь вокруг, не зная, куда податься, они подошли к мужчине, расставлявшему книги.

— Что вам угодно, агай? — спросил тот.

— Да вот этому парнишке нужны тетрадь, карандаши...

Едва Насир-агай произнёс эти слова, как продавец мигом выложил перед ними различные карандаши и всякие тетради...

Ахмет даже растерялся: какие же из этих тетрадей и карандашей выбрать? Заметив его растерянность, продавец сказал:

— Давай-ка я сам выберу для тебя самые лучшие карандаши и тетрадь...

Ахмет ещё никогда не видел такого красивого карандаша и такой толстой тетради...

— Ну, что ещё вам нужно? — спросил продавец.— Наверное, и книги нужны?

Эти слова ещё больше обрадовали Ахмета, да и Насир-агай сказал:

— Если у вас есть какая-нибудь интересная книжка, то дайте.

Продавец выложил перед ними несколько книг:

— Вот эти книжки очень полезны для детей,— и принялся показывать им одну за другой.

Ахмету, конечно же, хотелось бы забрать все эти книги, но он понимал, что это невозможно, и поэтому сказал:

— Атай, давай возьмём вот эти две...

И снова Насир-агай согласился с ним.

Ахмет радовался обилию покупок в своих руках. Он представил, как вернётся в деревню, как примется за эти книги, и ему стало совсем весело.

Они побывали ещё в нескольких магазинах, сделали ещё несколько покупок и вернулись в «Дом крестьянина».

И пока они ходили проведать свою лошадь, пока пересмотрели все свои покупки да подсчитали, во сколько они обошлись, день кончился, солнце село.

Темно уж, почему же лампу не зажигают? Только подумали так, как у них в комнате вдруг что-то вспыхнуло и всё вокруг осветило.

Ахмету показалось очень забавным, что несколько тонких лучинок внутри продолговатого стеклянного, чуть больше куриного яйца пузырька разом осветили всю комнату. И если бы не так слепило глаза, Ахмет бы долго смотрел на эту самозагорающуюся штуку. Больше всего мальчика поразило, что такие же лампы светили и в других местах — во дворе и под навесом, где стояли лошади. Если бы Ахмет не вспомнил рассказы учителя об электричестве, он бы ещё сильнее удивился этим самозагорающимся лампам и, может, не поверил бы, что всё это на самом деле. И не успел Ахмет налюбоваться на это чудо, как вдруг он услышал чей-то громкий, низкий голос. Отец с сыном прислушались, а потом решили узнать, кто же это так громко разговаривает. Оставив чай недопитым, они пошли в большую комнату напротив.

Заглянули в открытую дверь. В комнате было полно людей. Все они повернулись лицом к одному углу комнаты и молча слушали. А того, кто говорил низким голосом, не было видно. Насир-агай и Ахмет очень удивились: из пустого угла слышится человеческий голос. Потом они подошли поближе и увидели, что человеческий голос исходит из какой-то тарелки, стоявшей на столе в углу комнаты. Ахмет сначала подумал: «Может, кто-то забрался под стол да и говорит?» — но скоро понял, что это не так.

Голос внезапно умолк, и тарелка запела какую-то протяжную песню.

— Вот так чудеса! — переглядывались слушатели.

Песня кончилась. Послышалась очень приятная знакомая мелодия. Прекрасная музыка так воодушевила слушателей, что они не могли усидеть на месте.

Насир-агай и Ахмет и думать забыли о своём недопитом чае. Они вернулись к себе лишь после того, как из тарелки послышалось: «Концерт окончен»...

Ахмет был полон впечатлений от увиденного за день. Лёжа в постели, он снова перебирал в памяти все события дня, в ушах его всё ещё звучала мелодия песни.

Утром, когда они выезжали из города, мальчику казалось, что он покидает что-то очень дорогое, любимое.

Здесь всё было интересно и привлекательно. И Ахмету трудно было расставаться с городом. Да ещё и Актырнак куда-то пропала. Ахмету стало грустно, и он обратился к отцу:

— Атай, куда же подевалась наша Актырнак, бедняжка? Хорошо, если в деревню возвратилась...

— А может, и правда. Вспомнила про своих щенят и убежала домой,— отвечал отец.— Собака такая тварь — не заблудится...

Больше они уже не говорили об Актырнак. Возвращались той же дорогой, по которой ехали в город. И сам город, и протекавшая возле него Волга, её блестящая, что зеркало, поверхность, большой мост через реку и шумливые парово-

зы — всё это постепенно одно за другим осталось позади.

Актырнак с ними не было. Её исчезновение огорчило Ахмета, и ему очень было её жалко.

Он не услышал, как, тоскуя по своим детёнышам, Актырнак жалобно скулила. Не видел, как она металась в клетке, пытаясь вырваться на свободу...

ЩЕНКИ-СИРОТЫ

Через несколько часов после отъезда хозяев щенки принялись искать мать. Им хотелось поиграть возле неё, приласкаться к ней. Но вскоре они проголодались и, не найдя матери, тоненько заскулили.

Один из щенков подбежал к соседской собаке, заглянувшей в их двор. Но собака гавкнула на него и отшвырнула в сторону. Другой в поисках матери подошёл к козе, которая разлеглась под арбой, и принялся нащупывать соски у неё на брюхе. Коза испуганно вскочила и едва не переломала малышу рёбра. Третий подкатился к курице, которая грела под крылом своих цыплят. Клуша накинулась на щенка и несколько раз больно клюнула его. Четвёртый щенок нашёл обглоданную кость и стал облизывать её, но соседская собака отняла добычу.

Вот так в первый же день без матери щенята почувствовали себя сиротами. Они не осмеливались подойти даже к корыту с водой. Едва только они приближались к воде, как сбегались куры и гнали их прочь и больно клевали. Если бы Хасби-енге несколько раз не напоила щенят снятым молоком, они бы совсем обессилели.

Миновал и второй день.

Наконец возвратились из города Насир-агай с сыном. Хасби-енге выбежала им навстречу. И щенята прибежали. При виде их Ахмет погрустнел, сердце у него защемило.

— Мама, а что Актырнак, не пришла домой?

— Не-ет, сынок, её дома нет...

— Ведь пропала она, мама. Как только приехали на

базар, убежала от нас и не вернулась...— рассказывал мальчик.

От жалости к щенкам у него даже слёзы на глаза навернулись.

— Мы-то думали, она домой возвратилась... Нет, оказывается... Видно, заблудилась,— проговорил Насир-агай, распрягая гнедую.

И Хасби-енге пожалела пропавшую Актырнак:

— Хорошая собака была. Ничего без разрешения не брала...

Щенки, словно разыскивая мать, покружились возле арбы, принюхиваясь, а потом, жалобно скуля, разбрелись по двору.

Ахмет вынес из дому молока, напоил щенят, погладил по шёрстке.

«Может, это и есть наша мама?»— подумали малыши и взглянули на мальчика. И, когда он направился к дому, побежали следом.

И снова в доме Насир-агая началась весёлая жизнь.

Только Актырнак не видела этой жизни. Её уже не было на свете...

1928 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Для младшего школьного возраста

Мажит Гафури

ИЗ ПРОШЛОГО

Рассказы

ИБ № 4388

Ответственный редактор *И. М. Пугачёва.* Художественный редактор *В. А. Горячева.* Технический редактор *Е. В. Пальмова.* Корректоры *М. Ю. Мерперт* и *Е. И. Щербакова.* Сдано в набор 25.01.80 г. Подписано к печати 12.08.80 г. Формат 70×90/16. Бум. офс. № 1. Шрифт латинский. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,19. Уч.-изд. л. 5,78. Тираж 100 000 экз. Заказ № 349. Цена 60 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

60 коп.